

мира, кроме пуштунской проблемы, которая составляет, по его словам, «единственное политическое разногласие» в афгано-пакистанских отношениях. [57]

Указанное радиовыступление М.Дауда оказало деморализующее воздействие на приверженцев монархии. Почувствовав перевес чаши весов в пользу новой власти, на ее сторону стали переходить и офицеры–«нейтралы». К исходу дня в поддержку переворота высказались практически все отдаленные гарнизоны страны. Правда, здесь, как и в столице, не обошлось без арестов и изоляции наиболее рьяных монархистов. Следует заметить, что в ходе осуществления переворота сторонники династии неоднократно пытались остановить выступление мятежного офицерства или даже поднять находившиеся под их командованием части для подавления восставших. Такие безуспешные попытки предпринимали, например, командир батальона «коммандос» майор Сафи, начальник штаба королевской гвардии, командир 8 пехотной дивизии, командир Центрального корпуса генерал Абдул Вали и др. Вооруженное сопротивление восставшим оказали в основном полицейские, охранявшие банк, телеграф, тюрьму Димазанг и некоторые другие объекты.

В целом тщательно подготовленный и умело осуществленный переворот прошел почти бескровно. По официальным данным, в ходе этой акции погибли восемь человек, из них четверо полицейских и четверо военнослужащих. Среди последних трое, по словам М.Дауда, сказанным им на пресс-конференции 24 июля, стали жертвой неосторожного обращения с оружием и один офицер-танкист из 15 танковой бригады погиб при падении танка с высокой набережной в реку Кабул (видимо, по неопытности механика-водителя). [58] В эти цифры по какой-то причине не попал начальник штаба королевской гвардии, застреленный восставшими, когда он, угрожая пистолетом, пытался «образумить» их и помешать перевороту. Возможно, были и другие жертвы. И тем не менее вряд ли есть основания оспаривать утверждение М.Дауда относительно того, что переворот был осуществлен малой кровью. [59]

Свержение монархии было восторженно встречено подавляющим большинством населения Афганистана. На улицах и площадях столицы состоялись массовые народные празднества и митинги. Аналогичные мероприятия имели место и в других городах страны. О поддержке нового, республиканского режима заявили высший религиозный орган – Совет улемов (примеч.: в постановлении Совета улемов было сообщено об изменении текста хутбы. – М.С.), ряд видных племенных и духовных авторитетов, широкие круги интеллигенции, известные общественные и политические деятели страны, Ученый совет Кабульского университета. Все это, вместе с легкостью, с которой был осуществлен переворот, свидетельствовало о том, что династия окончательно утратила в общественном сознании ореол былой святости и национальной ценности. В стране не нашлось какой-либо общественной силы, которая бы поспешила на спасение падающей короны. Лишь отдельные служители культа, некоторые представители высшей бюрократии и торговцы выразили робкое недовольство по поводу происшедшего, пытались скомпрометировать новые власти путем распространения провокационных слухов и саботировать исполнение их распоряжений.

В день переворота состоялись экстренные заседания ЦК обеих фракций НДПА. В своих заявлениях, изданных в виде листовок, они приветствовали ликвидацию монархии и призвали своих членов быть готовыми «защитить республику от реакционных сил и интриг империализма». Оценивая провозглашение республики в стране как положительный акт, ЦК Хальк подчеркнул, что «для свержения монархии благоприятную почву подготовили Народно-демократическая партия Афганистана и другие демократические силы и элементы». [60] ЦК Парчам, кроме того, разрешил ее членам занимать различные посты в новом государственном аппарате, чтобы таким образом содействовать практической реализации прогрессивного курса республиканского режима.

Государственный переворот 1973 года явился знаменательной вехой в истории Афганистана. С провозглашением республиканского строя была перевернута последняя страница летописи афганских монархий и открыта качественно новая глава в развитии этой древней страны. Одним из существенных результатов переворота стало изменение расстановки политических сил в стране. Прежде всего это касалось роли армии. Июльскими событиями афганская армия, выйдя из замкнутого мирка казарм, впервые открыто вмешалась в общественно-политическую жизнь страны на стороне демократических сил и дала еще один (особенно характерный для многих стран Востока второй половины XX в.) пример того, что армия далеко не всегда выступает на политической сцене как традиционный институт поддержки прежних, консервативных, властных структур. С этих пор она стала на длительное время неизменным участником почти всех сколько-нибудь значимых актов афганской драмы. Участие прогрессивно и патриотически настроенных офицеров и унтер-офицеров в подготовке и осуществлении переворота обогатило их бесценным опытом политической борьбы, позволило им на практике осознать силу и возможности армии как орудия насилия над своими противниками и, как ничто другое раньше, ускорило процесс поляризации сил и их размежевание в армейской среде. Этот их потенциал и обретенный ими огромный бойцовский запал были с успехом использованы через несколько лет, на новом витке беспокойной афганской истории.

ГЛАВА 5. РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕЖИМ М.ДАУДА И ОППОЗИЦИЯ

5.1 Внутренняя и внешняя политика правительства М.Дауда и утверждение его авторитарной власти

Сразу же после государственного переворота был создан высший руководящий орган страны – Центральный Комитет Республики Афганистан (ЦКРА). Его состав в Афганистане никогда не публиковался. Предположительно, он включал в себя от 15 до 35 человек. [1] Первоначально в него вошли 11 лиц – М.Дауд, Хасан Шарк (в 1953-1963 годах он был личным врачом и начальником канцелярии М.Дауда), полковник в отставке Г.Х.Расули, Сеид Абдуллулла, капитан Абдул Хамид Мохтат, капитан Пача Гуль Ва-

фадар, майор Мухаммад Сарвар Нуристани, капитан Файз Мухаммад, капитан Зия Мухаммадзай Зия, Маулаад, капитан полиции Абдул Кадир Нуристани. Факт преобладания в ЦКРА кадровых военных отразил, несомненно, характер происшедшего в стране государственного переворота. Данный орган, однако, был социально и политически неоднороден и распался, по крайней мере, на три слоя: шесть представителей прогрессивных, демократических кругов (Х.Шарк, сторонники и члены Парчам Файз Мухаммад, Маулаад и М.Зия, член «группы Максуди» А.Х.Мохтат и сторонник Хальк П.Г.Вафадар), буржуазно-реформистский центр в составе трех человек (М.Дауд, М.Сарвар Нуристани и А.Кадир Нуристани) и консервативно-националистическое крыло (Г.Х.Расули и С.Абдулилла). Центральный комитет РА, будучи коллегиальным органом, решения по обсуждаемым вопросам принимал большинством голосов. Однако при этом с самого начала решающее слово в нем принадлежало М.Дауду. В окружении М.Дауда была еще одна весьма влиятельная фигура – его брат Мухаммад Наим. Хотя он не занимал никаких официальных постов и не входил в ЦКРА, тем не менее играл большую роль в государственных делах и фактически выполнял функции министра иностранных дел.

18 июля Центральный Комитет РА провел первое заседание и единогласно избрал М.Дауда («основателя республики») главой государства и премьер-министром. Ему также было поручено исполнять обязанности министра национальной обороны и министра иностранных дел. До формирования нового кабинета функции министров возлагались на их прежних заместителей. На всей территории страны вводилось военное положение, которое сохранялось до принятия новой конституции в феврале 1977 года. Из тюрем были выпущены многие политические заключенные, в их числе Г.Д.Панджшери, С.М.Зерай и др. В этот же день в МИД Афганистана были приглашены все послы иностранных государств, аккредитованные в Кабуле. Им было предложено уведомить свои правительства о происшедших в стране переменах и предпринять соответствующие шаги к дипломатическому признанию Республики Афганистан. Утром 19 июля одним из первых ее признал Советский Союз, о чем посол в Афганистане А.М.Пузанов официально сообщил М.Дауду. За короткое время Республика Афганистан была признана многими странами Востока и Запада.

26 июля М.Дауд, как глава государства, подписал первые три указа, касавшиеся некоторых аспектов законодательной, исполнительной и судебной деятельности нового режима. Так, Указом №1 были аннулированы все положения конституции 1964 года, которые противоречили основам республиканского строя. Объявлялись недействительными положения, касающиеся парламента, а сам он распускался. Было приостановлено издание частной прессы. Согласно данному Указу, М.Дауд взял на себя все полномочия, которые ранее по Конституции Афганистана принадлежали королю и парламенту. Указ №2 предписывал всем военнослужащим афганской армии и всем государственным служащим принять в местах своей службы и работы присягу на верность республике путем подписи под ее текстом. Текст армейской присяги гласил: «Клянусь великим Богом и чистотой благородного Корана, что буду преданным исламской Республике Афганистан и не пожалею своей жизни для защиты и сохранения национальной чести и территориальной целостности Родины, служения армии и ее знамени под руководством главы Республики». [2] По сведениям из официальных источников, присяга во всех штабах, частях и подразделениях афганской армии и в гражданских учреждениях была принята в течение трех дней после издания Указа.

Указ №3 касался вопросов судопроизводства и судебной системы. В соответствии с этим Указом, объявлялись недействительными все положения конституции 1964 года, регламентирующие структуру и деятельность судебной власти, полномочия короля в данной области передавались главе республики, а функции упраздненного Верховного суда – общей юридической комиссии министерства юстиции, члены которой назначались премьер-министром, все судьи страны назначались министром юстиции и утверждались главой государства. Указ №3 аннулировал самостоятельность и независимость судебной власти. Что касается прежнего законодательства, то оно сохранялось лишь в той части, которая не противоречила духу и содержанию указов и законов республики. [3]

Изданием отмеченных выше указов М.Дауд фактически сосредоточил в своих руках основные функции законодательной, исполнительной и отчасти судебной властей.

Новый режим, отмечая заслуги армии в осуществлении переворота и стремясь обеспечить себе и в дальнейшем поддержку социально и политически неоднородных армейских кругов, предоставил офицерам и унтер-офицерам ряд существенных привилегий. По решению ЦК республики, наиболее активным офицерам – участникам июльских событий, за исключением генералов, было присвоено воинское звание на две ступени выше, всем офицерам, кроме генералов, была сокращена на один год выслуга в очередном звании, всем унтер-офицерам присваивалось звание младшего лейтенанта. [4] Многие молодые офицеры были назначены на ответственные посты в центральном армейском аппарате и в войсках.

Одновременно была проведена чистка высшего командования. В конце августа в отставку и запас была отправлена большая группа генералов и старших офицеров. Однако чистка коснулась лишь наиболее одиозных фигур, таких, как генерал-майор Абдул Вали, бывший министр национальной обороны генерал армии Хан Мухаммад, бывший начальник Главного штаба афганской армии генерал-полковник Гулям Фарук и некоторые другие. Большинство же генералов и старших офицеров, придерживавшихся консервативных взглядов и тесно связанных с помещичье-буржуазно-клерикальными кругами, остались либо на своих прежних постах, либо получили перемещение по службе. Среди них были командующий ВВС и ПВО генерал-полковник Мухаммад Муса, начальник зенитной артиллерии генерал-майор Мухаммад Асеф, командир 11 пехотной дивизии генерал-майор Мухаммад Юнус и др. Было совершенно очевидным, что, сохраняя прежнюю военную элиту и заигрывая с молодым офицерством, М.Дауд рассчитывал таким путем расширить и укрепить свою социальную опору в армейских кругах. [5]

Через несколько дней после переворота М.Дауд снял такую щекотливую для себя проблему, как содержание под стражей членов монархического правительства и королевской семьи. По его указанию из-под ареста было освобождено большинство прежних министров, а наследный принц Ахмад Шах, королева

Хомайра, маршал Шах Вали и ряд других членов королевской семьи отправлены самолетом в Италию, где находился бывший монарх.

1 августа было сформировано первое республиканское правительство. Его структура осталась без изменений. М.Дауд, создавая свой кабинет, в котором он оставлял за собой посты министра национальной обороны и министра иностранных дел, отчетливо обнаружил стремление сделать правительство определенным противовесом радикальному ЦКРА и не связывать себя далее полной зависимостью от тех, кто помог ему прийти к власти. Для этого он заметно ограничил представительство прогрессивного, демократического крыла в высшем органе исполнительной власти. Из 12 министров только пять принадлежали к указанному крылу – министр внутренних дел Файз Мухаммад, министр связи А.Х.Мохтат, министр по делам границ П.Г.Вафадар, министр сельского хозяйства Гулям Джелани Бахтари (родственник Б.Кармаля) и министр просвещения Нематулла Маруф Пажвак. В числе членов кабинета были и четверо военных – активных участников переворота (Файз Мухаммад, А.Х.Мохтат, П.Г.Вафадар и старший капитан Гаусуддин Файек, министр общественных работ).

Параллельно с формированием верховных институтов власти проводились чистка и обновление государственного аппарата, а также разработка программных документов нового режима. При этом М.Дауд, демонстрируя намерения опираться на прогрессивные силы, вскоре после переворота обратился к Б.Кармалу с просьбой помочь в подборе кандидатов на ответственные государственные посты и в разработке программного заявления республиканского правительства (примеч. авт.: какие цели преследовал М.Дауд, обращаясь с такой просьбой, сказать трудно. Во всяком случае можно предположить, что М.Дауд намерен был использовать в своих интересах энергию, политический и интеллектуальный потенциал левых при становлении республиканского режима. Однако можно и усмотреть в этом его шаг злой умысел, то есть стремление раскрыть с недобрыми целями на будущее персональный состав и организационные структуры Парчам). Как бы там ни было, парчамистское руководство не упустило представившуюся благоприятную возможность и предложило на государственные посты значительное число своих членов и сторонников. Кроме трех человек в ЦКРА и трех в правительстве, они заняли шесть постов губернаторов провинций (из 26) и 64 поста уездных начальников (из 120). [6] По западным данным, [7] только в первые дни после переворота М.Дауд направил в провинциальную и уездную администрации около 160 молодых людей, преимущественно горожан, принадлежавших к крылу Парчам. Всего же их в государственном аппарате насчитывалось не менее 400 человек. Некоторые посты в центральных и местных органах власти получили представители других политических группировок и организаций, в частности Сетаме мелли, Садаи авам, Афган меллят, Шоалеи джавид.

Следует отметить, что М.Дауд, поддерживая скрытые связи с парчамистским руководством и фактически легализовав деятельность этой фракции, одновременно воздерживался под любыми предлогами от каких-либо контактов с Халк и ее лидером (кстати, Н.М.Тараки неоднократно добивался встречи с М.Даудом и предлагал ему сотрудничество своей фракции). М.Дауд объяснял это якобы стремлением не давать повода внешней и внутренней оппозиции оценивать события в Афганистане как «прокоммунистический переворот». В действительности же дело, видимо, состояло больше в другом: М.Дауд питал личную неприязнь к Н.М.Тараки еще с 1953 года, когда последний, будучи пресс-атташе афганского посольства в Вашингтоне, на одной из пресс-конференций осмелился критиковать М.Дауда, оспаривая его право как члена королевской семьи занимать пост премьер-министра. [8] Самолюбивый М.Дауд не прораил выпады против своей личности. Кроме того, он всегда считал позиции халкистов экстремистскими, оторванными от реальной афганской действительности. По словам самого М.Дауда, халкисты не знали своей страны и в лучшем случае представляли ее лишь по стандартам столицы.

Укрепление позиций республиканского режима в центре и на местах не оставило для короля М.Захир-шаха никаких шансов на возвращение в страну в прежнем качестве. 12 августа он обратился с письмом к «Его превосходительству сардару Дауд-хану, президенту Республики Афганистан» и отрекся от престола, заявив, что подчиняется воле народа, единодушно принявшего республиканскую форму правления. [9] Этот шаг экс-короля имел определенное политико-пропагандистское значение для новой власти, так как, с одной стороны, легитимировал результаты государственного переворота, а с другой – обезоруживал консервативные силы, не оставлявшие мечты о восстановлении монархии на троне. За М.Захир-шахом было сохранено афганское гражданство.

23 августа, в день 54-й годовщины независимости страны, М.Дауд выступил по кабульскому радио с «Обращением к афганскому народу». [10] Это было программное заявление нового, республиканского режима, отразившее в своей основе позиции и взгляды сложившейся к тому времени в центральных органах власти трехсторонней коалиции. Анализируя данное «Обращение», нельзя не заметить, что в его структуре, содержании, оценках, стиле и языке четко прослеживается «рука» левого окружения М.Дауда. [11] В начале выступления он дал краткий экскурс в историю борьбы афганского народа за свободу и независимость против колонизаторов, отметив при этом выдающуюся роль в этой борьбе эмира Амануллы и Надир-шаха, всех патриотов страны.

Поставив вопрос о том, почему он и его коллеги (в тексте – «товарищи») «принесли свои семейные и классовые интересы в жертву национальным интересам и интересам обездоленных классов страны», М.Дауд ответил, что «несправедливая и антинациональная политика, которую монархический режим проводил в течение последнего десятилетия, и открытое противодействие ей со стороны всех классов афганского общества, особенно интеллигенции, а также наблюдения за быстрыми изменениями, происходившими в регионе и мире в пользу свободы и прогресса и в ущерб деспотизму, реакции и колониализму, – все это не позволяло молчать совести любого из афганских патриотов». [12] Как заявил далее М.Дауд, при монархии «истинные права и свободы попирались изо дня в день и практически были ликвидированы. В стране царили законы джунглей, насилие и произвол».

Характеризуя суть прежнего режима и плоды его правления, М.Дауд указал, что он (этот режим) «действовал вопреки интересам обездоленных классов, подлинной демократии и прогресса страны», что «административный аппарат полностью разложился и изжил себя», а «уделом общества стали нищета, безработица, болезни и неграмотность», что «абсолютная беспечность и бестолковщина в вопросах экономики... привели страну на грань катастрофы и вызвали полный застой в области промышленного развития и социально-экономического прогресса». По словам М.Дауда, «в течение последних десяти лет внутренняя политика государства основывалась на политическом лицемерии и мошенничестве, обмане и демагогии», а «условиями существования монархического режима считались разного рода угрозы, провоцирование актов насилия, дискриминация и фаворитизм по отношению к различным группам населения, политика раскола и интриг среди племен». Такую же красноречивую оценку он дал и внешней политике свергнутого режима, заявив, что «ее отличительными чертами являлись обман и уловки, соглашательство и угодничество». Разоблачительная характеристика последней афганской династии ценна, несомненно, тем, что она дана устами не постороннего, а человека, который был связан с нею близкими родственными узами и длительное время непосредственно формировал ее внутреннюю и внешнюю политику.

Глава государства, говоря о накопившихся в стране «сотнях национальных проблем», заметил, что они не могут быть решены одним махом и что «поспешность и стремление использовать возможные и невозможные средства для экстренного преодоления вековой отсталости и немедленного реформирования всех сфер жизни есть ребячество и пустая затея». «Исходя из этого, – заключил он, – надо, реформируя общество и обеспечивая лучшие условия для жизни народа, двигаться вперед на основе здравого смысла, выдержки, точного учета и максимального использования всех возможностей. Надо шаг за шагом расширять сферу практической деятельности и идти от одного этапа к другому».

В программном заявлении республиканского правительства содержались многочисленные обещания и установки по выходу из общенационального социально-экономического и политического кризиса. В области политических реформ предусматривались: разработка и введение новой конституции республики; выборы «государственного собрания» и разделение властей на основе равенства прав и при законном участии народа Афганистана; обеспечение защиты территориальной целостности, независимости и национального суверенитета страны; «укрепление сил обороны с учетом баланса сил в регионе»; проведение чистки и реорганизации государственного аппарата; расширение демократических прав и свобод граждан; принятие мер к «созданию подлинного морального и материального союза между народностями Афганистана на основе равенства, братства, дружбы и искоренения всех форм дискриминации». Обещая стране «подлинную демократию», М.Дауд, однако, обошел молчанием такие фундаментальные права граждан, как свобода слова и собраний, право на независимую прессу и создание политических партий и организаций, образование выборных органов власти на местах, создание профсоюзов.

С целью преодоления отсталости страны ставилась задача осуществить коренные преобразования в национальной экономике «на основе планирования и современной науки и технологии». При этом намечалось уделить большое внимание развитию в рамках госсекторов тех отраслей тяжелой промышленности, «которые обеспечат быстрый рост экономики и укрепление национальной независимости страны», а именно: горнодобывающей, металлообрабатывающей, машиностроительной, энергетической и химической промышленности, а также сооружение металлургического завода на базе месторождения железной руды в Хаджигаке. Республиканский режим, заявил М.Дауд, «будет поощрять, защищать, направлять и контролировать частные капиталовложения и частное предпринимательство в сфере мелкой и средней промышленности и кустарном производстве и обеспечит необходимое сотрудничество между частным и государственным капиталом в интересах сбалансированного развития национальной экономики». Республиканское правительство, сказал он, «считает своей первейшей обязанностью ограждать национальную промышленность, кустарное производство и ремесла от конкуренции с иностранными товарами и капиталом». Что касается внешнеторговой и денежно-финансовой сфер страны, то было обещано: регулирование внешней торговли на основе учета национальных интересов, установление строгого контроля за обменом валюты, недопущение непомерного ссудного процента на черном рынке и поощрение и гарантия вкладов и сбережений в банках, а также проведение реформы налоговой системы на основе отдачи предпочтения прямым, а не косвенным налогам.

Осуществление земельной реформы в интересах большинства населения страны было названо М.Даудом «одной из главных мер в программе коренных преобразований», предпринимаемых республиканским правительством. Не раскрывая содержания земельной реформы, он отметил, что в стране «при государственной помощи будут создаваться государственные кооперативы, производственные и потребительские товарищества (ширкеты) с участием большинства земледельцев и в их интересах. Кроме того, государство брало на себя обязательство «расширять, при возможности, оросительную сеть на целинных землях», а также «предпринять научно обоснованные меры по развитию скотоводства».

Новшеством в правительственной программе явилось обещание ускорить строительство жилья для бедных и нуждающихся. Предусматривалось пересмотреть градостроительное дело в стране и прежде всего выполнение 25-летнего плана реконструкции Кабула, расширить сеть коммуникаций, связав дорогами экономически важные пункты, улучшить работу общественного транспорта в городах, а также изучить возможность строительства в стране железных дорог. Признав, что «абсолютное большинство населения страны лишено материальных и духовных прав и благ... и их жалкое существование ни в коей мере не отвечает нормам современной цивилизации», правительство Республики Афганистан выдвинуло в социальной сфере следующую программу реформ: установление фиксированной продолжительности рабочего дня, равной оплаты за равный труд и минимума зарплаты для рабочих в соответствии с их материальными и духовными нуждами и жизненными потребностями; введение социального страхования для рабочих и других трудящихся города и деревни и принятие прогрессивного и демократического закона о труде промышленных и сельскохозяйственных рабочих; принятие решительных мер по установлению

фиксированной платы за наем жилья, административных зданий и магазинов; ликвидацию неграмотности, введение всеобщего бесплатного начального образования для всех мальчиков и девочек, расширение сети государственных школ, создание условий для развития среднего и высшего образования и подготовки научных кадров; оказание помощи демократической прессе и изданиям, национальным искусствам, театру и кино, музеям и библиотекам; защита здоровья граждан и улучшение всего дела здравоохранения; принятие решительных мер для искоренения употребления наркотиков и алкоголя; ужесточение борьбы с дороговизной, спекуляцией и контрабандой товаров; создание необходимых условий для обеспечения равных прав женщин с мужчинами во всех областях социально-экономической, политической и культурной жизни; содействие, насколько это возможно, переводу кочевников на оседлость и избавление их от патриархального и племенного уклада жизни, а также распределение государственных земель среди безземельных и т.д.

Формулируя основы внешней политики Республики Афганистан, М.Дауд подчеркнул, что «Афганистан всегда был и остается миролюбивой страной». Внешнеполитическая деятельность республиканского правительства, заявил он, «будет последовательно базироваться на принципах независимой миролюбивой политики, позитивного и активного нейтралитета, неучастия в военных блоках, уважения Устава ООН, поддержки освободительных движений, дружбы, сотрудничества и укрепления добрых отношений со всеми миролюбивыми странами мира, развития экономических, технических и культурных связей с этими странами с учетом взаимных национальных интересов». Далее М.Дауд дал позитивную оценку существующим отношениям Афганистана со странами региона и мира. Он назвал непоколебимыми добрососедские и дружественные связи с СССР. Касаясь афгано-пакистанских отношений, М.Дауд повторил свою позицию, изложенную им в выступлении по радио 17 июля 1973 года. Как он заявил, «Республика Афганистан будет с полным терпением и хладнокровием прилагать энергичные усилия для поиска путей мирного и благородного решения национальной проблемы Пуштунистана».

Заключая свое выступление, М.Дауд многообещающе подчеркнул: «Выполнение этих грандиозных национальных задач требует на данном исторически важном этапе объединения всех национальных и прогрессивных, всех патриотических слоев общества в широком фронте (подчеркнуто мною. – М.С.) под знаменем молодого республиканского режима страны».

Итак, программа республиканского правительства, несмотря на определенную декларативность и расплывчатость некоторых формулировок, предусматривала широкие преобразования в социально-экономической и политической сферах и открывала для афганского общества обнадеживающие перспективы. Обращает на себя внимание то, что новые власти стремились решать назревшие проблемы жизни Афганистана поэтапно, с учетом исходного уровня развития страны. Анализируя содержание «Обращения к афганскому народу», нельзя не заметить, как уже говорилось, не просто его соответствия духу партийной программы леводемократических сил, но и многочисленных дословных извлечений из нее. В связи с этим встают вопросы: насколько М.Дауд и его сторонники из лагеря буржуазных реформаторов были искренни, беря на вооружение идеи и взгляды левых по вопросам социально-экономического переустройства общества? Не было ли это ловким ходом М.Дауда, чтобы присвоить себе привлекательную по сути программу своих левых попутчиков и тем самым обезоружить их политически, а также сохранить до поры до времени единство в руководстве трехсторонней коалиции? Ответы на эти и другие вопросы должно было окончательно дать последующее развитие событий в Республике Афганистан.

В первые месяцы после переворота правительство осуществило ряд своих обещаний в социально-экономической сфере. Так, были установлены твердые цены на некоторые товары первой необходимости, в первую очередь продукты питания; введен строгий контроль силами полиции над торговлей (в Кабуле с этой же целью при непосредственном участии НДПА были созданы квартальные комитеты бедноты; в столице и других городах при муниципалитетах действовали комиссии по контролю над ценами); установлен 7,5-часовой рабочий день на государственных предприятиях и в учреждениях при максимальной продолжительности рабочей недели в 45 часов; вдвое повышена заработная плата фабрично-заводских рабочих (с 450 до 900 афгани в месяц); узаконено право трудящихся на ежегодный оплачиваемый отпуск, оплату сверхурочных работ, социальное страхование и медицинское обслуживание и т.п. В конце 1973 года был образован Высший экономический совет, призванный заниматься перспективным планированием и координацией деятельности основных отраслей промышленности и сельского хозяйства. В 1973-1974 годах по решению республиканских властей были национализированы ряд частных промышленных компаний, в частности три текстильных фабрики ширкета «Насаджи» (Гульбахарский текстильный комбинат и хлопчатобумажные фабрики в Пули-Хумри и Джабаль-ус-Сирадже) и государственно-частная компания «Спинзар» (11 хлопкоочистительных и хлопкоперерабатывающих заводов), президентом и основным владельцем которых был закадычный друг экс-короля Г.С.Нашер, а также все частные банки, включая и самый крупный из них – Афганнацбанк. Была укреплена и расширена монополия государства на внешнюю торговлю и начата решительная борьба с валютной спекуляцией на черном рынке и контрабандой. Увеличены прямые налоги, составившие в 1974 году 11 % доходной части бюджета. Правительство М.Дауда уделяло большое внимание разработке аграрного законодательства с целью стимулирования сельскохозяйственного производства и облегчения положения крестьян. Летом 1974 года было принято «Положение о развитии деревень». Начата кампания по распределению государственных земель среди безземельных крестьян и кочевников. Однако за все время существования даудовского режима землю получили не более 7,5 тысяч семей. 6 августа 1975 года в официальной газете «Расми джарида» был опубликован «Закон о земельной реформе», подлежащий осуществлению через год после этой даты. В нем предусматривалось ограничение помещичьего землевладения 100 джерибами (20 га) поливных двухурожайных или садовых, 150 джерибами (30 га) одноурожайных и 200 джерибами богарных земель. Земли, превышавшие по размеру указанный потолок, подлежали конфискации и передаче безземельным крестьянам,

сельскохозяйственным рабочим или кочевникам на условиях выкупа в течение 25 лет и обязательной обработки. В соответствии с «Законом о кооперативах», принятом в ноябре 1974 года, стали создаваться кооперативные объединения, преимущественно кредитно-сбытовые. К середине 1975 года в стране было образовано 34 таких кооператива. По семилетнему плану, разработанному правительством на 1976-1983 годы, намечалось сооружение более 200 народнохозяйственных объектов, в том числе крупных плотин, ирригационных систем, ГЭС, автодорог и т.п. [13]

В 1975 году была начата реформа системы просвещения. Ее основным разделом явились поэтапный перевод начальной школы на обучение с шестилетней на восьмилетнюю программу и реорганизация общеобразовательной школы по формуле 8 + 4. При этом восьмилетняя школа объявлялась обязательной и бесплатной. Ряд общеобразовательных школ были преобразованы в профессионально-технические училища с целью расширения подготовки рабочих кадров. Более чем на 16 % были увеличены ассигнования на просвещение. Повышена заработная плата учителям. Все они должны были до 1977 года пройти обязательную переподготовку на курсах и семинарах повышения квалификации. В прямое подчинение министерству просвещения были переданы все частные школы, в том числе и духовные и те, которые функционировали при мечетях. Создано Национальное управление по ликвидации неграмотности и расширена сеть его курсов. К сентябрю 1975 года в стране действовали 586 курсов ликвидации неграмотности, на которых обучалось 8,1 тысячи человек. [14]

Как показывает исторический опыт, любая государственная власть, в том числе и авторитарная, не может существовать без идеологии. Встречающиеся нередко в наше время митинговые (да и в печати тоже) сентенции о деидеологизации властных структур есть преднамеренный обман, рассчитанный на простак. Государство без идеологии – это такой же абсурд, как государство без аппарата. Понимая эту непреложную истину и считая ее «первой задачей» государства, М.Дауд сразу же после переворота 1973 года начал поиски таких идеологических концепций, которые бы отразили происшедшие в стране перемены, способствовали объединению всех слоев и классов общества вокруг правительственных программ и обеспечили бы, таким образом, поддержку режиму. В итоге этих поисков появилась так называемая «народная и национальная теория революции», которая и составила официальную идеологию режима. Структура этой «теории» не была строго очерчена и в основном повторяла (с незначительной трансформацией) идеи, имевшие хождение при монархии.

В качестве одного из главных элементов официальной идеологии республиканского режима был сохранен национализм. М.Дауд, выступая в марте 1975 года пред жителями г. Кандагара, подчеркивал, что «существующий строй Афганистана опирается и будет опираться на национальную основу и национализм». [15] Как и прежде, при монархии, в правительственной пропаганде национализма за основу брались идеи исторической пуштунской исключительности, дух афганства, которые подавались как истинные и высшие национальные ценности. Другими составляющими «афганского национализма» объявлялись развитие «средним» путем без колебаний вправо и влево, отказ от подражания другим, социальный прогресс без насилия, реформы с соблюдением норм ислама, демократия, основанная на законе и др. Основопологающей частью официальной идеологии по-прежнему считался ислам. По конституции 1977 года (ст. 22) он был объявлен государственной религией. Все документы и декларации, выступления деятелей страны и пропагандистские материалы несли в себе значительный заряд исламских догм. Большое значение при этом уделялось обоснованию с точки зрения традиций ислама законности провозглашения в стране республики и намечавшихся преобразований. Широко пропагандировалась также святость национальных традиций и обычаев, идеи патернализма и патриотизма, верность и преданность режиму во главе с «основателем и руководителем республики» М.Даудом, антиколониализм и антикоммунизм.

Непосредственное участие леворадикальных элементов в подготовке и осуществлении государственного переворота 1973 года, а затем их вхождение в центральные и местные органы власти нашли свое выражение в том, что в язык официальных документов и пропаганды вошли такие понятия, как «социализм», «социальная справедливость», «уничтожение эксплуатации во всех ее видах и формах», «равенство», «братство», «гарантирование права на труд» и т.д. Следует еще раз заметить, что М.Дауд и его сторонники, беря на вооружение социалистическую терминологию, не только делали этим уступку своим временным союзникам, но и рассчитывали таким путем расширить и укрепить социальную базу власти и попутно идейно разоружить левые силы. Кроме того, лозунг «социализма» являлся своеобразной дымовой завесой, чтобы прикрыть действительную классовую сущность режима. Дело в том, что в рассматриваемый период капитализм как общественная система с его социальными и духовными пороками был крайне непопулярен в мире, в том числе и в мусульманских странах. Правда, от социализма даудовское руководство заимствовало лишь его экономический аспект и дополняло своими «национальными» и «исламскими» элементами. Наиболее отчетливо М.Дауд выразил свое понимание социализма в интервью корреспонденту агентства Танюг в феврале 1976 года. «Социализм, который мы избрали в качестве нашей экономической основы нового афганского общества, – говорил М.Дауд, – фактически является средством достижения социальной справедливости, ликвидации классового неравенства и антагонизма позитивным, прогрессивным и мирным путем. Необходимо пояснить, что составными частями нашего социализма являются историческая реальность, национальная культура, объективные и субъективные условия существования нашего общества, а также дух подлинного ислама». [16]

Обе фракции НДПА критически, хотя и не во всем однозначно, оценивали идеологические изыскания М.Дауда. Чаще всего критика исходила от парчамистов (в основном после 1975 года, когда они лишились своих представителей в высших эшелонах власти) и касалась главным образом даудовских концепций «национализма» и «социализма». Они с полным основанием считали, что республиканский режим под флагом так называемого «прогрессивного афганского национализма» стремится сохранить в стране господствующее положение афганцев (пуштунов) в угоду консервативно-националистических кругов. В противовес данной концепции Парчам выдвинула идею «равенства всех граждан Афганистана без каких-либо

привилегий и дискриминации по признаку расы, национальности, пола, языка, племенной и религиозной принадлежности». [17]

Анализ и оценки даудовской идеи «социализма» были даны в докладе Б.Кармаля на третьей партийной конференции в декабре 1975 года, в специальной брошюре «Краткие пояснения к вопросу о социализме», изданной в марте 1976 года и предназначенной для политического просвещения партийцев, и в ряде других материалов. Отправным пунктом для написания этой брошюры явилось интервью М.Дауда корреспонденту агентства Танюг и изложенная им концепция «социализма». Определяя ее сущность, авторы брошюры писали: «Социализм, объявленный республиканским режимом Афганистана, на деле есть не что иное, как один из вариантов так называемого «национального социализма». Далее, показав, что даудовский «социализм» не имеет ничего общего с научным социализмом, они в то же время все еще не теряли надежду, что провозглашенный правительством экономический курс при его последовательном выполнении «может привести в будущем к появлению предпосылок для перехода к социализму». [18] При этом Парчам исходила из своего твердого убеждения, что социализм в Афганистане – это далекая перспектива, конечная цель его развития, но не задача дня. [19]

Что касается халькистов, то они не подвергая прямо сомнению тезисы официальной пропаганды о «пуштунской исключительности» и необходимости «укрепления духовных основ афганства» в жизни общества, призывали в законодательном порядке закрепить и гарантировать равноправие всех народностей и национальностей Афганистана. По вопросу о «социализме» М.Дауда они в принципе разделяли взгляды и оценки парчамистов, считая, как и последние, что «социализм является блестящим будущим» для Афганистана и что на данном историческом этапе условиям страны наилучшим образом отвечает некапиталистический путь развития как «необходимая предпосылка перехода к социализму». [20]

В начале ноября 1976 года в Афганистане был введен в действие новый Закон о наказаниях. Он фактически узаконил (ст. 221) не только запрет на оппозиционную политическую деятельность, но сделал наказуемым (до 10 лет тюремного заключения) создание и руководство какой-либо партией, обществом или группировкой и пропаганду идеологии, не совпадающей по целям и содержанию с официальными установками. [21] Предусматривалась смертная казнь за преступления против республиканского строя и подстрекательство армии к восстанию. Указанный Закон еще больше ужесточил борьбу против гражданской и военной оппозиции и юридически предпринял установление авторитарного режима в стране.

Для превращения армии в свою опору М.Дауд широко использовал не только «кнут», но и «пряник». Немало офицеров примкнули к нему и усилили его группировку, будучи купленными высокими постами в войсках и в административном аппарате в центре и на местах. Другие вошли в его партию – Партию национальной революции, надеясь в перспективе через членство в ней обеспечить себе желанную карьеру и высокое общественное и материальное положение.

Одновременно с гонениями против прогрессивных, демократических сил М.Дауд настойчиво укреплял и расширял опору себе справа. С этой целью он, особенно начиная с 1975 года, стал привлекать на ответственные посты в госаппарате представителей старой аристократии и консервативно-националистических кругов. К примеру, на свободу был выпущен и получил назначение советником правительства бывший премьер-министр Муса Шафик. Советником при М.Дауде по делам ислама стал видный духовный авторитет Сеид Ахмад Гилани. С.Абдулилла, один из самых приближенных к М.Дауду лиц, занял пост второго заместителя премьер-министра с сохранением портфеля министра финансов. Министром внутренних дел стал А.Кадир Нуристани, министром сельского хозяйства – Азизулла Васефи, министром торговли – Мухаммад-хан Джалалар, бывший в правительстве Мусы Шафика министром финансов, командиром республиканской гвардии – особо доверенное лицо главы государства Сахиб Джан и др. В ноябре 1975 года, после более чем двухлетнего заключения, из тюрем были освобождены ярые монархисты, в том числе генерал Абдул Вали. Суд военного трибунала, состоявшийся над ним в сентябре, не нашел (!) состава преступления в его действиях при монархии и полностью оправдал его. Ему вернули все чины и привилегии и разрешили выехать в Италию и присоединиться к своей семье.

В 1976 году среди афганской общественности развернулись дискуссии вокруг проекта новой конституции страны. Самое активное участие в них приняли леводемократические силы, которые выдвинули по ее содержанию целый ряд конструктивных предложений (см. п. 5.2. данной книги). Как и следовало ожидать, М.Дауд и его окружение проигнорировали основополагающие предложения левых. Проект конституции без какого-либо широкого публичного обсуждения был вынесен на Лоя джиргу, состоявшуюся с 30 января по 15 февраля 1977 года. Состав Лоя джирги был определен в соответствии с давней квотной традицией. Из 400 ее депутатов 220 были избраны от городских и сельских административных единиц, а 130 депутатов назначены главой государства. В числе последних были: 16 представителей от вооруженных сил, 25 – от крестьян, 24 – от рабочих. 65 – от интеллигенции и молодежи. Кроме того, в ее работе на правах депутатов участвовали члены правительства и ЦК Республики Афганистан во главе с М.Даудом, члены комиссии по подготовке проекта конституции и руководство высшей судебной инстанции. В составе депутатов были 14 женщин, четыре представителя кочевых племен и несколько представителей демократических кругов. Большинство мандатов находилось в руках сторонников режима из числа высшей бюрократии, национальной буржуазии, столичной и местной элиты, влиятельного духовенства, военных. Председательствовал на Лоя джирге министр сельского хозяйства, бывший депутат королевского парламента, ярый националист Азизулла Васефи. [22] Все это предопределило желательный для режима ход и исход работы Лоя джирги: принятие Конституции Республики Афганистан, избрание М.Дауда первым президентом республики сроком на шесть лет и утверждение «Заявления», одобрявшего внутреннюю и внешнюю политику правительства с июля 1973 по февраль 1977 года и основные направления семилетнего плана развития.

В ходе дебатов в Лоя джирге были внесены поправки в 24 статьи проекта конституции (из 131) и до-

бавлены еще шесть статей, касающихся в основном суда и права, что, однако, ни в коей степени не изменило ее первоначальной сути. Конституция Республики Афганистан, введенная в действие 24 февраля 1977 года, наделила президента страны исключительно широкими полномочиями в законодательной, исполнительной и судебной областях и по существу подчинила ему указанные три структуры власти. Перечень его полномочий, как по пунктам, так и по содержанию, почти полностью совпадал с тем, чем был наделен в свое время король по конституции 1964 года (за исключением, пожалуй, пункта, согласно которому президент, в отличие от короля, имел право объявлять войну и перемирие лишь по согласованию с Лоя джиргой. Правда, Конституция Республики Афганистан допускала, что «при возникновении внезапной и явной опасности» и в других неотложных случаях президент мог принимать по этому поводу и единоличные, «исключительные решения» и только затем созывать Лоя джиргу. [23] Была еще одна прерогатива президента (ст.79), которой не было в монархической конституции, – это право объявлять общенародный референдум по важным национальным проблемам).

Согласно конституции 1977 года, правительство страны стало полностью креатурой президента. Он получил полномочия не только возглавлять кабинет, но и назначать министров и входивших в правительство заместителей (или заместителей) президента, принимать от них присягу при вступлении на должность, а также отстранять от исполнения обязанностей или принимать их отставку. По сути дела, правительство было ответственным только перед президентом, но не перед парламентом.

Однопалатный парламент – Мелли джирга (Национальное собрание), избравшийся сроком на четыре года на основе всеобщих, прямых и тайных выборов, наделялся весьма ограниченными полномочиями. Он не располагал даже правом, существовавшим при королевском режиме, выносить вотум недоверия правительству. Представительные органы власти на местах (джирги), за что ратовали демократические круги, новой конституцией вообще не предусматривались. Частью исполнительной власти, подотчетной президенту, стали все органы прокуратуры сверху донизу. Ему же принадлежали верховные полномочия и в судебной системе. В частности, он получил право назначать председателя и членов Верховного суда республики, принимать их присягу, назначать и отстранять от должности всех судей нижестоящих инстанций по представлению председателя Верховного суда, утверждать или отклонять вынесенные судом смертные приговоры.

В соответствии с новой конституцией, в государственной системе республики был сохранен традиционный, надпарламентский орган – Лоя джирга. К ее компетенции были отнесены: пересмотр конституции, выборы и принятие отставки президента, объявление войны и перемирия и некоторые другие вопросы (ст. 67). Принцип формирования Лоя джирги, по сравнению с прежней, был значительно изменен. Так, если по конституции 1964 года в нее входили только члены парламента и руководители провинциальных джирг, то, согласно республиканской конституции, – члены Национального собрания, Центрального совета Партии национальной революции, правительства, Высшего совета вооруженных сил и Верховного суда республики, от пяти до восьми представителей от каждой провинции, а также 30 членов, которые назначались указом президента (ст.65). Иными словами, Лоя джирга стала более многочисленной и включала в себя в своем подавляющем большинстве лиц, обязанных М.Дауду своим служебным положением.

После утверждения конституции, юридически оформившей режим авторитарной власти М.Дауда, в стране был объявлен переходный период (до 22 ноября 1979 года – открытия сессии Национального собрания), в течение которого правительство обязано было подготовить законопроекты о выборах в Национальное собрание, о печати, собраниях и об организационных основах государства и представить их президенту на утверждение, а президент – сформировать новое правительство, Верховный суд республики и Высший совет вооруженных сил, а также обнародовать и ввести в действие Устав Партии национальной революции (ст. 123-132). В феврале 1977 года указом президента было отменено военное положение, введенное три с половиной года назад, после государственного переворота. В марте М.Дауд сформировал новое правительство в составе 17 министров. Ключевые посты в нем заняли деятели, пользовавшиеся его особым доверием. Так, министром национальной обороны стал генерал-полковник Г.Х.Расули, министром финансов – С.Абдуллла, министром внутренних дел – Абдул Кадир Нуристани, министром по делам границ – профессор Абдул Каюм и др. [24] В апреле были назначены председатель и восемь членов Верховного суда, а в сентябре – члены Высшего совета вооруженных сил в составе 12 генералов и офицеров, который возглавил сам М.Дауд.

Одним из важнейших нововведений республиканской конституции (ст. 40) явилось провозглашение в Афганистане однопартийной системы правления во главе с Партией национальной революции. При этом оговаривалось, что однопартийная система вводится «для выражения общественных чаяний и политического воспитания народа до тех пор, пока не будет осуществлена эта цель, а самосознание народа не достигнет соответствующего уровня».

Следует заметить, что планы создания проправительственной партии вынашивались М.Даудом давно, еще в начале 60-х годов, когда он занимал пост премьер-министра. [25] К данной идее он возвратился сразу же после государственного переворота 1973 года. В новых условиях с помощью такой партии он хотел реализовать, по крайней мере, две цели: во-первых, укрепить и расширить социальную базу власти, вобрав в ряды партии все лояльные республиканскому строю элементы и группировки – от левых до правых и, во-вторых, устранить из политической жизни страны организованную оппозицию.

Идея правительственной партии по разному воспринималась в руководстве двух фракций НДПА. Халькисты, соглашавшиеся в принципе войти в нее, однако хотели видеть в ней собственно не партию, как таковую, а некий «единый национальный фронт», в котором НДПА должна была участвовать на равных правах с самостоятельным политическим паспортом». [26] Когда же стало очевидным, что М.Дауд не оставляет им места в своей партии, они отвергли идею однопартийной системы, заявив, что «не считают ее полезной для развития республики на благо трудящихся Афганистана». [27] Что касается парчамистов, то они вначале допускали возможность без каких-либо условий войти в республиканскую партию с тем, что-

бы изнутри влиять на выработку ее курса и практическую деятельность. Более того, осенью 1973 года они даже распространили слухи о самороспуске своей организации. Однако несколько позже, когда М.Дауд начал изгонять из госаппарата леворадикальных попутчиков, вопрос о возможном коллективном вступлении в правительственную партию был снят с повестки дня. [28]

Процесс становления Партии национальной революции (ПНР) шел медленно и фактически так и не был завершен вплоть до апрельских событий 1978 года. Как отмечал советский афганец В.В.Басов, к тому времени в ее рядах насчитывалось не более трех тысяч человек. [29] Официально о ее создании было объявлено в конце 1976 года. 17 июля следующего года, в четвертую годовщину свержения монархии, М.Дауд, в соответствии со статьей 130 Конституции РА, ввел в действие Устав ПНР, включавший шесть глав и 116 статей. [30] В нем основными целями и направлениями деятельности партии объявлялись «защита доверия народа», борьба с противниками республики, «осуществление подлинной демократии, основанной на социальной справедливости и интересах народа, ... и создание общества на принципах единства, взаимопомощи, братства и равенства» (ст. 10-12, 14). Партия, как явствует из Устава, мыслилась как строго централизованная, правящая государственная структура. Согласно статье 51, председателем партии являлся президент республики. Центральный совет партии – высший руководящий партийный орган – наделялся исключительными широкими властными полномочиями, куда, кроме чисто партийных функций, входили: контроль за выполнением программ правительства и Национального собрания (парламента); разработка вопросов внутренней и внешней политики; контроль за деятельностью государственных органов в рамках закона; составление списков кандидатов в депутаты Национального собрания; выдвижение из числа членов партии кандидата на пост президента и т.д. (ст. 50, 55, 57 и 58). Предусматривалось (ст. 46) создание под эгидой партии ряда общественных организаций – союза молодежи, профессиональных объединений, организации женщин. 7 ноября 1977 года был образован Центральный совет партии, в который М.Дауд ввел четырех министров – Г.Х.Расули, А.Маджида, С.А.Абдуллы и А.Каюма, отличавшихся крайне консервативными и националистическими взглядами. Как пишет американский ученый Л.Дюпре, это назначение вызвало возражения со стороны шести министров кабинета, которые в знак протеста подали президенту заявления об отставке. Однако М.Дауд убедил их отказаться от своих намерений. [31] «Семейный бунт», таким образом, был погашен в самом начале, не успев разгореться.

Таким образом, к лету 1977 года, с принятием Конституции Республики Афганистан и созданием, в соответствии с ее положениями, Партии национальной революции, олицетворявшей собой однопартийную систему в стране, получила окончательное юридическое оформление авторитарная власть президента М.Дауда.

5.2. Левые при республиканском режиме М.Дауда

Обе фракции НДПА поддержали «Обращение к афганскому народу» от 23 августа 1973 г. и меры республиканского правительства в социально-экономической сфере. В заявлении Парчам, обнародованном 2 сентября 1973 года, была выражена надежда, что «молодая Республика Афганистан может открыть для народа страны путь к прогрессу и свободе». Вместе с тем было высказано опасение, что внутренняя и региональная реакция может попытаться ликвидировать в зародыше республиканский режим. В связи с этим парчамисты призывали всех сторонников республики к единству. Кроме того, они считали, что для НДПА в сложившихся условиях организационное единство является и необходимым, и обязательным. [32] Следует заметить, что в первые месяцы после переворота Парчам была единственной в стране политической организацией, которая действовала открыто и более того имела вполне легально свою штаб-квартиру в кабульском отеле «Спинзар». [33] Хальк, как и Парчам, распространила в Кабуле 6 сентября заявление своего ЦК, в котором дала высокую оценку сохранившимся в «Обращении» программным установкам режима. Однако позиция халькистов по ряду тактических вопросов отличалась от той, которой придерживалась в то время фракция Парчам. Они, в частности, не ставя прямо вопрос о партийном единстве, полагали, что позитивная программа республиканского правительства может быть претворена в жизнь только при опоре на «объединенный фронт, включающий в себя НДПА (имелась в виду организация Хальк. – М.С) и другие национально-демократические силы». [34] Одобряя и поддерживая республиканский режим как благоприятное условие для борьбы против внутренней и внешней реакции и возможность для легализации своей деятельности, халькистские лидеры были, однако, явно обескуражены отказом М.Дауда пойти на какие-либо контакты с ними. В этом, как несколько позже писалось в одном из изданий халькистов, они усматривали намерение М.Дауда и сотрудничавших с ним парчамистов «ослабить Хальк и постепенно подготовить почву для ее ликвидации». [35] Вообще, следует признать, халькисты в то время крайне ревниво и болезненно воспринимали как сам факт активного участия парчамистов в государственном перевороте, так и, особенно, занятие ими ответственных постов в республиканской администрации. В рядах членов и сторонников Хальк усилиями ее руководства культивировалось мнение о неприемлемости в рядах «коммунистов» участия в верхушечных государственных переворотах. И все же, несмотря на глубокие неприязненные отношения между фракциями, в октябре 1973 года состоялась личная встреча Б.Кармала и Н.М.Тараки. На ней предметом обсуждения встали происшедшие в стране перемены и вопрос о единстве партии. И снова, как и раньше, согласие не было достигнуто из-за разных подходов участников встречи к условиям объединения: Б.Кармаль настаивал на паритете при формировании нового состава ЦК объединенной партии, а Н.М.Тараки – на безусловном присоединении Парчам, как «меньшинства», к НДПА (то есть Хальк), как «большинству», на основе проведенных I Учредительного съезда партии и признания избранного им ЦК в качестве высшего руководящего партийного органа. [36]

В конце декабря 1973 года в столице в связи с девятой годовщиной образования НДПА состоялись пленумы ЦК обеих фракций. Содержание докладов на них и принятых постановлений определялось в

первую очередь нарастанием сопротивления республиканскому режиму со стороны правых сил. «Наша задача на данном этапе, – заявил на пленуме Б.Кармаль, – заключается в том, чтобы парализовать враждебную деятельность, нейтрализовать заговоры против республики». Пленум ЦК Парчам потребовал от своих членов усилить разъяснительную работу среди народа, прежде всего рабочих и интеллигенции, настойчиво сплачивать патриотически настроенные и прогрессивные элементы во имя создания нового, демократического Афганистана, не допускать действий, которые могли бы вызвать трения и недоразумения между партией и правительством, при работе среди населения учитывать и соблюдать национальные и религиозные обычаи и традиции. Особое внимание членов партии было обращено на то, чтобы они оценивали существующий режим с классовых позиций и, работая в государственном аппарате, не поддавались карьеристским побуждениям и соблазнам. Пленум подверг также анализу заявления деятелей республиканского режима относительно «строительства социализма национального типа» в Афганистане, расценив их как «результат всестороннего воздействия идей научного социализма и практики строительства социализма на объективные и субъективные процессы в развивающихся странах, включая и Афганистан» и как попытки определенных кругов соединить элементы социализма с мелкобуржуазными и религиозными мировоззрениями. Указав на демагогический характер подобных заявлений, пленум призвал оценивать «любой взгляд или мысль относительно социализма с классовой точки зрения», с учетом закономерностей развития общества. [37]

Непрекращавшиеся антиправительственные выступления крайне правых консервативно-клерикальных и экстремистских кругов, в том числе и с использованием партизанских, вооруженных методов борьбы, и их обвинения в адрес «красного принца» М.Дауда и его смыкания с «безбожным коммунизмом» и просоветскими элементами не проходили бесследно для правящей республиканской коалиции. Подобного рода обвинения находили сочувственный отклик среди консервативно и националистически настроенных деятелей в руководстве республики (С.Абдуллла, Г.Х.Расули, Азизулла Васефи, Вахид Абдулла и др.). Они старались убедить М.Дауда в обоснованности требований правой оппозиции, неприемлемости для Афганистана социалистической ориентации и необходимости размежевания с левыми, от которых, как они утверждали, исходит угроза коммунистического переворота. Определенным катализатором процесса политического размежевания в республиканской коалиции являлись и сами входившие в нее левые элементы. Упорно требуя от главы государства форсированного осуществления обещанных социально-экономических и политических преобразований, они вызывали его раздражение, нагнетали противостояние в руководстве республики и этим все больше изолировали себя от остальных членов правящего альянса.

Первым свидетельством отхода М.Дауда от союза с левыми попутчиками явилось прекращение им ранее имевших место контактов с парчамистским руководством. По некоторым данным, это произошло уже в конце 1973 года, а в конце следующего года установлена негласная слежка за Б.Кармалем. Выступая 28 февраля 1974 года пред выпускниками Кабульского политехнического института, где, уместно заметить, существовала довольно-таки сильная организация Парчам, М.Дауд недвусмысленно отмежевался от левых в своем стане, заявив: «Мы не имеем отношений с какой-либо группировкой. Представляется ошибочным связывать нас с нею или с каким-либо другим движением». [38] В мае того же года М.Дауд, ссылаясь на введенное в стране после переворота военное положение, лично запретил обеим фракциям НДПА заниматься какой-либо политической деятельностью.

Еще до указанного запрета, в марте 1974 года, началась чистка государственного аппарата от демократических и прогрессивных элементов. Одним из первых из правительства был выведен министр по делам границ, сторонник Хальк Г.П.Вафадар [39] и назначен послом в Болгарию, а затем Ливию. За ним в апреле последовал А.Х.Мохтат: он был снят с поста министра связи, выведен из Центрального Комитета РА и уволен в отставку из-за якобы «неспособности проводить в жизнь политику и основные принципы Центрального Комитета» (после этого он в течение более чем четырех лет находился не у дел, из них некоторое время под домашним арестом). Большая группа левых элементов была изгнана из государственных органов осенью 1975 года. В их числе в сентябре в процессе частичной реорганизации правительства М.Дауд удалил из его состава министра сельского хозяйства Г.Д.Бахтари, а Файз Мухаммада переместил с ключевого поста министра внутренних дел на менее значимый пост министра по делам границ (в сентябре 1976 года он был направлен послом в Индонезию). В декабре 1975 года был освобожден от поста министра просвещения Н.М.Пажвак. Уволен был и шеф военной полиции Мауладад. В 1977 году последовало устранение из республиканского руководства Х.Шарка, одного из последних прогрессивных деятелей в непосредственном окружении М.Дауда, вошедших в него еще до переворота. Он получил назначение в Японию в качестве посла.

Чистка госаппарата от неугодных левых элементов коснулась не только влиятельных фигур в центре, но и руководителей провинциального звена. К указанному времени среди губернаторов провинций почти не осталось сторонников НДПА. Репрессиям за принадлежность к левым, демократическим силам подвергались также и рядовые представители интеллигенции и государственные служащие, в том числе и военные. Как пишет В.В.Басов, только к концу 1974 года из госучреждений, в основном из системы просвещения, были изгнаны и подвергнуты штрафам за политическую деятельность около 80 членов Хальк. [40] В том же году на членов организации были совершены провокационные нападения в столице, провинциях Балх, Гильменд, Пактия, Газни, Бамиан и других местах. [41] Гонения против левых сил продолжались и в последующие годы. Летом 1976 года была арестована еще одна группа халькистов в количестве 33 человек, в том числе в провинциях Кундуз – 11, Кандагар – 1, Вардак – 1 и Гильменд – 10, округах Хост и Ургун – по двое в каждом, в городах Кабул – 4 и Гардез – 2 человека. Им вменялось в вину распространение заявлений своей организации о проекте конституции Республики Афганистан, направление поздравлений своим товарищам в связи с празднованием Дня 1 мая и изучение «прогрессивной литературы». [42]

Особое беспокойство М.Дауда вызвали появившиеся признаки нелояльности к его режиму со стороны

леворадикальной части офицерского корпуса страны. Среди недовольных находились и многие их тех, кто непосредственно привел его к власти. В 1974 году в числе первых в опалу попал активный участник июньских событий 1973 года, начальник штаба ВВС и ПВО подполковник Абдул Кадыр (см. о нем Приложение 6), осмелившийся подвергнуть публичной критике главу государства за «медленные темпы» реализации обещанных преобразований. М.Дауд, явно желая унижить этого боевого летчика, сместил его с указанного поста и назначил начальником Кабульского мясокомбината. В следующем году М.Дауд удалил из страны, направив в Индию в качестве военного атташе афганского посольства, подполковника М.Зия, [43] командира элитарной части – бригады республиканской гвардии, насчитывавшей в своем составе до двух тысяч человек и обеспечивавшей охрану резиденций руководителей страны. В том же году из армии были уволены около 40 офицеров – выпускников советских военных учебных заведений, придерживавшихся левых взглядов (одним из них был офицер ВВС, халькист Асадулла Сарвари). Еще сотни офицеров и унтер-офицеров подверглись репрессиям в ходе судебных процессов, состоявшихся над военными в 1973-1976 годах. Следует заметить, что многие обвинения в их адрес были явно сфабрикованы с одной целью – избавиться от подозрительных, потенциально опасных режиму элементов в армейской среде. В их числе оказывались не только лица левой ориентации. Как известно, всякая авторитарная власть патологически не может терпеть любую оппозицию себе и принимает самые жестокие меры для расправы не только над ней, но и над всеми теми, кто не внушает доверия. При этом нередко страдают и без вины виноватые. Так и случилось и при первом республиканском режиме в Афганистане. Утверждая личную власть, М.Дауд изгнал из армии или бросил в тюремные застенки немало ни в чем не повинных людей. Одним из таких оказался лихой артиллерийский полковник Ковват-хан Бридваль, с которым автор был хорошо знаком еще с далеких 60-х годов. Как Бридваль позже с присущим ему юмором рассказывал, свое «право» на казенные харчи и «шестилетний даудовский тюремный университет» он получил только за то, что в числе участников антиправительственного заговора М.Х.Майвандваля находились его друзья-соплеменники и сослуживцы, хотя сам он был абсолютно непричастен к их тайным замыслам.

Сползание режима вправо и усилившиеся гонения против демократических кругов развеяли надежды Парчам закрепиться у власти рядом с М.Даудом и с его помощью реализовать в стране установки национально-демократической программы. В связи с этим фракция вынуждена была пересмотреть свое отношение к республиканскому руководству и выработать новый курс своей деятельности, соответствующий изменившимся условиям. Это произошло на пленуме ЦК и третьей партийной конференции Парчам, состоявшихся в Кабуле соответственно 16 и 26 декабря 1975 года. На них с большим докладом (более 150 страниц машинописного текста) выступил Б.Кармаль, в котором он обстоятельно проанализировал ситуацию, сложившуюся в стране после свержения монархии, дал оценку социально-классовой сущности режима и его политике, конкретизировал подходы Парчам к идее создания объединенного национального фронта прогрессивных и демократических сил, определил место, роль и задачи организации и ее членов в предстоявшей борьбе. [44]

В первые полтора года существования республиканского режима отношение к нему со стороны организации Парчам, отметил Б.Кармаль, строилось по формуле «союз-критика-союз», что означало сотрудничество всех сил, входивших в правительственную коалицию, в выработке программных установок новой власти и в деле претворения их в жизнь, а также противодействие через конструктивную критику взглядам и шагам, которые расходились с принципами «Обращения к афганскому народу». Однако в эту формулу по мере эволюции режима вправо вносились соответствующие коррективы. Так, если в 1973 году Парчам отдавала полную поддержку молодому республиканскому режиму, то в 1974 году, говорилось в докладе, она вынуждена была ограничиваться лишь поддержкой основных политических принципов и программных лозунгов режима. В конце 1975 года (после массовой чистки госаппарата от левых) организация перешла к тактике выжидания и пристального наблюдения за действиями правительства, не ставя пока под сомнение вопрос о существовании режима. «Сейчас, – говорил Б.Кармаль, – мы находимся в неясной, сложной обстановке и не можем ни отвергнуть абсолютно режим во главе с М.Даудом (так как у нас нет другой альтернативы), ни всесторонне и безусловно поддержать его». И та, и другая крайности, по его мнению, были неприемлемыми и потенциально опасными для демократических сил: конфронтация с режимом и тактика захвата власти с помощью вооруженной силы, к чему призывали в то время афганские маоисты, ультралевые в рядах Хальк и Парчам и леваки из других радикальных организаций, были бы в тех исторических условиях авантюрой, «левацким (левооппортунистическим) перегибом», обреченными на провал и повлекшими бы за собой приход к власти в стране реакционного режима, а сотрудничество и капитуляция перед правительством М.Дауда привели бы партию к соглашательству и правому оппортунизму, к ослаблению «боевого революционного духа партийцев».

В сложившейся ситуации декабрьский (1975 г.) пленум ЦК и третья партийная конференция Парчам пришли к выводу о необходимости продолжения поддержки республиканского режима лишь в принципе и оказания на него давления с тем, чтобы приостановить его сползание вправо и вынудить «идти по демократическому пути». В докладе Б.Кармалю прямо не выдвигалась задача подготовки к национально-демократической революции, однако говорилось о необходимости «готовиться к революционной политической борьбе», укреплять связи с народными массами и завоевывать их поддержку. Непременным условием успеха в деле формирования в стране национально-демократического правительства признавались, как и прежде, консолидация и союз всех левых сил (Парчам, Хальк, Группы труда, Сетаме мелли, РОБТА и др.) и демократических группировок (Меллят, Садаи авам и др.) в рамках объединенного национально-демократического фронта, на основе общей политической платформы, включавшей пять пунктов: 1) изоляцию и устранение правых, реакционных и проимпериалистических элементов из госаппарата; 2) организацию общенациональной борьбы против заговоров внутренней и международной реакции; 3) осуществление на деле «Обращения к афганскому народу»; 4) отмену военного положения и обеспечение свободы

собраний, слова, печати и деятельности политических партий и массовых организаций; 5) проведение свободных, всеобщих и прямых выборов в парламент при тайном голосовании и равном участии в них мужчин и женщин, достигших 18 лет, и принятие демократической конституции Афганистана. На пленуме была выдвинута задача создания молодежной организации.

Касаясь вопроса о социально-классовой сущности республиканской власти в Афганистане, Б.Кармаль считал, что на первых порах после свержения монархии «руководящая верхушка режима не имела прочных связей с каким-либо определенным классом», однако в последующем, по мере своей политической эволюции вправо стала все больше опираться на «разложившуюся бюрократию и старый госаппарат», угрожая перерастать в «личную или военно-бюрократическую диктатуру». В случае укрепления в верхних эшелонах власти правых, реакционных элементов лидер Парчам не исключал вероятность ареста руководителей своей организации и ухода ее в подполье. В связи с этим он призывал членов партии к бдительности, овладению формами и методами нелегальной деятельности и навыками конспирации, чтобы быть готовыми к сопротивлению реакции в новых условиях.

Опасения леводемократических кругов относительно своего будущего не были безосновательными. В самом начале 1977 года, с принятием новой, республиканской конституции любая оппозиция режиму была поставлена вне закона. Данному событию предшествовал ряд заявлений и нелегальных публикаций левых сил, в которых они изложили свои взгляды по поводу содержания проекта Основного закона (как он им представлялся) и прежде всего о характере политической системы общества. Так, 22 марта 1976 года, через два дня после сообщения Кабульского радио о передаче проекта конституции полномочной комиссии, фракция Хальк распространила в столице и других местах в виде листовки «Заявление Центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана (авангарда рабочего класса страны)», в котором, еще раз подтвердив свою поддержку целей и программы республиканского правительства, изложенных в «Обращении к афганскому народу», и подчеркнув, что «самым эффективным путем претворения их в жизнь является создание единого национально-демократического фронта всех национально-демократических сил, включая в первую очередь и НДПА», выступила с предложением предусмотреть в конституции следующие положения: гарантию демократических прав и свобод трудящихся, прежде всего права на свободную и легальную деятельность национально-прогрессивных партий и создание профсоюзных и демократических организаций; запрещение использования религии в политических и партийных целях; обеспечение равноправия всех народностей и национальных групп Афганистана; ликвидацию феодальных отношений путем проведения демократической земельной реформы; выбор некапиталистического пути развития страны «в качестве необходимой предпосылки перехода к социализму». [45]

В последующие месяцы Хальк не раз обращалась к вопросу о содержании будущей конституции республики. Например, в первоймайской (1976 г.) листовке она потребовала зафиксировать в проекте конституции широкие социальные права и гарантии, как-то: право рабочих на создание профсоюзов и забастовочную борьбу; право на справедливую оплату труда, оплачиваемый отпуск, пенсии, страхование здоровья и гарантированную компенсацию в случае трудового увечья; признание 1 мая праздником трудящихся и др. В сентябре 1976 года в другой листовке, озаглавленной «Некоторые жизненно важные лозунги», халькисты снова подчеркнули необходимость отразить в проекте республиканской конституции право на легальную и свободную деятельность прогрессивных и национальных партий и организаций. При этом, ссылаясь на появившиеся в стране слухи о намерениях составителей конституции заложить в ее содержание положение об однопартийной системе в стране, Хальк заявила, что в тех конкретных условиях Афганистана «однопартийная система не соответствует национальным интересам и подлинной демократии». Касаясь Лоя джирги как органа, призванного принять конституцию Республики Афганистан, Хальк предложила, вместо традиционного способа ее формирования, избрать членов этого высокого собрания «на основе всеобщего, тайного, прямого, свободного и равноправного голосования, без всякого скрытого вмешательства и влияния местных облеченных властью феодалов, разложившихся бюрократов и прочих реакционеров». Только таким образом, считали халькисты, можно было обеспечить свободное волеизъявление народа и его активное участие в составлении и одобрении конституции. [46]

В начале апреля 1976 года фракция Парчам издала ротاپринтным способом брошюру «Проект предложений ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана) по вопросу разработки конституции». [47] В этом обширном (свыше 20 страниц) документе его авторы изложили свою концепцию республиканской конституции, детально рассмотрели и обосновали принципы и основные начала будущего общественного и государственного устройства республики. Анализ содержания и стиля «Проекта предложений» не оставляет сомнений в том, что руководители Парчам данным документом апеллировали непосредственно к центральным властям и конкретно к правительственной комиссии по подготовке конституции и рассчитывали таким образом оказать на них соответствующее давление.

В предпосланном к брошюре предисловии авторы признали исключительную важность для будущего своей страны разработки и принятия демократической по своему характеру конституции и формирования на ее основе «законного национально-демократического правительства». По их мнению, новая, республиканская конституция должна была включать девять разделов (глав): общественно-политическое устройство государства; социально-экономическое устройство; политические права и обязанности граждан; Лоя джирга; Государственная джирга (Государственный совет); Джирга министров (правительство); областные, провинциальные и местные джирги; суд и прокуратура; основные принципы избирательного права. Раскрывая их содержание, ЦК НДПА (Парчам) прежде всего предложил назвать страну «Демократической Республикой Афганистан» (ДРА), где «руководящей силой общества и государства» будет «объединенный национально-демократический фронт народа Афганистана», включающий в себя «объединенную политическую организацию трудящихся города и деревни – рабочих, крестьян, патриотическую и прогрессивную интеллигенцию» (видимо, имелась в виду НДПА. – М.С.) и другие национально-демократические партии и организации. Авторы «Проекта предложений» считали, что основу политиче-

ской власти в ДРА должны были составить джирги народных представителей сверху донизу. «Система джирг, – указывали они, – является одной из почитаемых народных традиций нашей страны... и может стать у нас наилучшей формой власти». С точки зрения административного устройства республика представлялась им «объединенным государством, состоящим из областей и основанном на равноправии и добровольном, патриотическом союзе всех братских народов, народностей и национальных групп, проживающих на их единой родине – в Афганистане».

«Проект предложений» предлагал закрепить в конституции страны положение о том, что стержнем развития экономики будет некапиталистический путь «с перспективой перехода к социалистической системе хозяйства» и что государство «параллельно с проведением земельной реформы и безвозмездной передачей земли трудящимся крестьянам будет создавать сельскохозяйственные кооперативы и союзы кооперативов крестьян» и оказывать им всестороннюю помощь. В «Проекте предложений» подчеркивалось, что в Афганистане имеют право на существование различные формы собственности: государственная, кооперативная, общественная и частная. К государственной собственности авторы относили крупные и средние промышленные предприятия, банки, энергетику, недра, леса, воды, дороги, железнодорожный и воздушный транспорт, почту, телефон и телеграф, учреждения радио и телевидения и т.д.

Несколько месяцев спустя, летом 1976 года, Парчам в брошюре «Взгляд на крестьянский вопрос», адресованную членам организации, дала подробный анализ положения в афганской деревне и раскрыла пути и методы решения в стране аграрного вопроса. В программе из 20-ти пунктов, призванных удовлетворить чаяния и требования крестьян, выдвигались, наряду с проведением демократической земельной реформы и созданием различных типов кооперативов, следующие меры: устранение феодального деспотизма и феодальных отношений и влияния местных авторитетов (последнее требование было явно преждевременным, так как не учитывало сложившийся в афганской деревне уклад жизни, психологию крестьян, их глубокую религиозность и веру в своих светских и духовных авторитетов. – М.С.); ликвидация ростовщической задолженности крестьян; упорядочение на демократической и справедливой основе крестьянской аренды; ограждение крестьян от грабежей со стороны разного рода посредников и перекупщиков; справедливое и бесплатное распределение воды; предоставление бедным крестьянам государственных кредитов и займов на льготных условиях, семян, химических удобрений и сельскохозяйственных орудий; введение справедливых закупочных цен на продукцию сельского хозяйства; создание в деревне подсобной инфраструктуры жизни и быта; предоставление жителям деревни права создавать крестьянские джирги как органы самоуправления и защиты их интересов и т.д. [48]

В своих предложениях по проекту конституции ЦК НДПА (Парчам) значительное место отвел демократическим правам и свободам граждан. Особо было подчеркнуто право слова и переписки, право на проведение собраний, митингов, забастовок, демонстраций и уличных шествий, а также право поданных Афганистана на создание «патриотических и революционных партий» и общественных (массовых) организаций – профсоюзных, молодежных, студенческих, женских, спортивных, научно-технических, творческих и т.п.

И все же в рассматриваемом «Проекте» ключевыми и основополагающими являлись предложения по реформированию структурных элементов власти и управления в стране. По сути дела, эти предложения преследовали цель значительно ограничить власть президента и передать многие его prerogatives представительным органам. Важное новшество, которое предложили парчамисты, касалось роли и функций Лоя джирги в государстве. По их представлению, она должна была стать «высшим законодательным органом государственной власти и представительства в ДРА, воплощением воли и суверенитета народа». На Лоя джиргу (парламент), состоящую из двух палат – Вулуси джирги (Народной джирги) и Мелли джирги (Национальной джирги), возлагались следующие функции: принятие конституции страны, внесение в нее поправок и контроль за ее соблюдением, осуществление и отмена законов; определение курса внутренней и внешней политики; введение и установление размеров налогов; принятие планов социально-экономического развития и заслушивание отчетов о их исполнении; принятие государственного бюджета и заслушивание отчетов правительства о его исполнении за предыдущий год; изменение территориальных границ областей и провинций ДРА; принятие и аннулирование международных соглашений и договоров; решение вопросов войны и мира и границ государства; определение задач и структуры Государственной джирги (президентского аппарата), Джирги министров (правительства), Верховного суда, Генеральной прокуратуры и областных джирг; избрание Государственной джирги (президента, вице-президента и ее членов), Джирги министров (премьер-министра, его заместителей и министров), Верховного суда, Генеральной прокуратуры и освобождение их от этих постов; надзор за деятельностью государственных органов. Предлагалось избирать Вулуси джиргу по избирательным округам по норме один депутат от каждых 50 тысяч населения, а Мелли джиргу – по областям из расчета трех депутатов от каждой области. Каждая палата, избираемая на четыре года, обладала законодательной инициативой и равными правами.

Государственная джирга, подотчетная Лоя джирге, мыслилась авторами «Проекта предложений» как высший орган государственной власти, призванный координировать в стране законодательную и исполнительную деятельность. Члены Государственной джирги, включая ее председателя и его заместителя, являющихся соответственно президентом и вице-президентом республики, должны были избираться Лоя джиргой. В обязанности Государственной джирги входили: организация и контроль выполнения законов и решений Лоя джирги; общее руководство деятельностью Джирги министров; созыв сессий Лоя джирги; издание декретов о выборах Лоя джирги, областных, провинциальных и местных джирг; в случае решения Лоя джирги проведение референдума; обнародование законов и решений Лоя джирги; руководство вопросами обороны и всеобщей безопасности страны; назначение и увольнение высших военачальников и членов верховного командования армии; присвоение воинских званий и отличий; представительство ДРА на международной арене; присвоение рангов и назначение персонала дипломатических и консульских пред-

ставительств за рубежом по предложению Джирги министров; отмена незаконных решений и постановлений местных, провинциальных и областных джирг; предоставление политического убежища; сокращение сроков наказания и амнистия заключенных и т.д. Кроме того, Государственная джирга в перерыве между сессиями Лоя джирги могла выполнять ряд ее функций, в частности назначать и снимать с постов министров (по предложению премьер-министра) с последующим утверждением этих актов на сессии Лоя джирги.

Джирга министров, согласно предложениям Парчам, являлась высшим, подотчетным Лоя джирге исполнительным и административным органом государственной власти в ДРА. Председатель Джирги министров (премьер-министр) и на основе его предложений заместители председателя и министры подлежали избранию на сессии Лоя джирги из числа как ее депутатов, так и других лиц.

Джирги, как органы государственной власти, предлагалось создать также во всех административных единицах вплоть до деревни. При этом имелось в виду, что областные и провинциальные джирги будут избираться населением на срок четыре года, а местные (городские, уездные и деревенские джирги) – на три. При каждой из таких джирг должен был функционировать определенный исполнительный чиновничий аппарат.

В «Проекте предложений ЦК НДПА» был подтвержден принцип раздельного функционирования законодательной, исполнительной и судебной властей, введенный в Афганистане конституцией 1964 года и нарушенный позже, после свержения монархии. Предусматривалось, что все судебные инстанции – Верховный суд (подотчетный непосредственно Лоя джирге), областные, провинциальные, городские, уездные и специальные суды, в процессе исполнения своих функций будут независимыми и подчиняться только закону. Далее в «Проекте» содержалось предложение, чтобы и Генеральный прокурор также избирался бы Лоя джиргой сроком на пять лет и нес непосредственную ответственность и отчетывался перед Лоя джиргой, а в период между сессиями – Государственной джиргой.

Руководители Парчам придавали важное значение принципам формирования государственных органов власти. В последнем разделе своих предложений по проекту конституции, напомнив еще раз тезис о том, что «национальный суверенитет принадлежит только народу», они предложили формировать все органы власти (джирги) сверху донизу на основе всеобщих, равных и прямых выборов, при тайном голосовании, а также предоставить активное избирательное право гражданам, достигшим 18 лет, и пассивное – с 24 лет, независимо от их расы, пола, национальной и религиозной принадлежности и времени проживания в данном избирательном округе. Высказано было также предложение узаконить для всех политических партий и организаций право выдвигать своих кандидатов в депутаты джирг всех уровней.

Заключая изложение своих взглядов по проекту конституции, ЦК НДПА (Парчам) открыто выступил против введения в стране президентской формы правления. «Наша партия убеждена, – говорилось в «Проекте предложений», – что, если вместо джирговой демократии, имея в виду условия страны со всеми ее национальными, племенными, языковыми, культурными и религиозными различиями, будет введена президентская система власти, то это расчистит в Афганистане путь для укрепления позиций антидемократических сил, посеет семена раздоров, анархии и раскола. И, наоборот, система парламентской демократии нового типа в форме джирг сверху донизу и ответственное национально-демократическое правительство под руководством объединенного национально-демократического фронта народа Афганистана сыграют важную роль в деле укрепления национальной независимости, национального сплочения и единства и прежде всего повышения демократического сознания народа и недопущения укрепления позиций политической реакции и бюрократии в стране». ЦК Парчам потребовал вынести проект конституции на всенародное обсуждение.

Публикации Парчам по проекту конституции явились прямым вызовом намерениям М.Дауда утвердить в стране режим личной власти и одной из последних попыток добиться для демократических политических сил права на юридически признанное место в политической системе государства. Хотя, думается, руководители Парчам, как и, впрочем, Хальк, к этому времени уже отчетливо осознавали всю иллюзорность надежд на какие-либо уступки со стороны режима и тем более на восстановление союза с ним. Поэтому их публикации по проекту конституции и актуальным проблемам развития страны представляли на деле не более чем пропагандистский демарш. Что касается ультраправых кругов, то они, строя до начала 1977 года свои расчеты исключительно на насильственном устранении режима М.Дауда, проявили полное безразличие к вопросу о конституции. Это объяснялось также и тем, что к указанному времени их перестал волновать вопрос о характере власти в стране в связи с поворотом М.Дауда вправо во внутренней и внешней политике и разрывом его с левыми силами.

В рассматриваемое время в центре внимания левой оппозиции были не только вопросы власти в стране, но и проблема разобщенности в действиях демократических и национально-патриотических кругов. В связи с этим 24 марта 1974 года, ЦК Парчам выступил с «Заявлением о единстве действий», в котором выразил тревогу за судьбу национально-прогрессивного пути развития Афганистана в связи с активизацией антиреспубликанских сил внутренней, региональной и международной реакции и выдвинул задачу (как «главный практический лозунг дня») найти пути к сплочению и единству действий всех прогрессивных, национально-патриотических и левых сил [49] (следует заметить в скобках, что обмен мнениями между руководством двух фракций носил весьма странный характер: они в своих «заявлениях» и «сообщениях» обращались не непосредственно друг к другу, а к членам своих организаций, хотя, как явствует из содержания их посланий, полемику-то они вели друг с другом). В коротком (в пять строк) ответе, подписанном 28 марта, руководство Хальк подтвердило, что и для него «лозунгом дня» является «мобилизация всех патриотических, национально-демократических и народных (хальковских) сил для борьбы против реакции, империализма и антиреспубликанских элементов, за продолжение активной поддержки республиканского строя». [50] Однако оно не пошло дальше такого рода констатации и не предложило ничего конкретного, чтобы сделать реальностью указанный лозунг. Впрочем, впоследствии Хальк вину за приостановку переговоров и длительное «интригующее молчание» полностью возложило на руководство Парчам.

[51]

Взаимные контакты представителей двух фракций и обмен мнениями по указанной проблеме возобновились лишь через полтора года. В течение этого периода отношения между ними, как и в предыдущие годы, характеризовались отчужденностью, взаимной подозрительностью, обвинениями и нападками друг на друга. Однако драматическое развитие событий в стране – набравший обороты распад антимоноархической коалиции и усиление правых тенденций в политике республиканского руководства – заставило их 26 августа 1975 года снова сесть за стол переговоров и обменяться мнениями о внутривнутриполитической ситуации и принципах установления сотрудничества. На следующий день Парчам изложила свои взгляды и оценки на сей счет в изданном ротатипным способом «Сообщении по поводу о единстве действий». В этом документе, оформленном как постановление ЦК НДПА (партии трудящихся Афганистана), было подчеркнуто, что усиление попыток внутренней и внешней реакции путем заговоров, интриг и провокаций свергнуть республиканский режим и разгромить национально-демократические, прогрессивные и патриотические силы поставило перед последними «в качестве самой неотложной задачи» проблему их единства действий и в первую очередь установление единства действий Парчам с ее «ближайшими друзьями – халькистами». ЦК НДПА (Парчам), обращаясь к членам своей организации, призвал их рассматривать достижение единства действий с Хальк как «первый шаг на пути к полному идеологическому, политическому (стратегическому и тактическому) и организационному единству», протянуть халькистам «руку подлинной, искренней революционной дружбы в совместной борьбе за общие цели» и, проявляя выдержку, такт и терпение, «прекратить любые выпады и обвинения друг против друга». В данном документе впервые было гласно заявлено, что «защита и поддержка нашей партией (т.е. Парчам. – М.С.) республиканского режима во главе с М.Даудом не может ни в коей мере означать защиту реакционных и негативных сторон, произвола и коррупции аппарата управления, государственной бюрократии и реакционных элементов». [52]

«Сообщение» ЦК Парчам вызвало резкий протест халькистского руководства, которое расценило данную публикацию как нарушение совместной договоренности сохранить в тайне содержание начавшихся переговоров до достижения окончательных результатов. Пытаясь найти злой умысел в действиях своих партнеров по переговорам, оно несколько позже заявило, что «разглашением этих переговоров и поднятием политической шумихи парчамисты хотели скрыть свою ликвидаторскую позицию и свои злоупотребления на высоких государственных постах». [53] В ответ на указанное «Сообщение» халькисты 4 сентября распространили в Кабуле «Заявление ЦК НДПА (авангарда рабочего класса страны)», в котором со всей категоричностью объявили, что «в Афганистане под названием «Народно-демократической партии» существует только одна партия» (т.е. Хальк. – М.С.) и что, если парчамисты разделяют идеологические, программные и организационные принципы этой партии и признают решения I Учредительного съезда НДПА и избранный на нем ЦК, то они должны присоединиться к ней. В случае неготовности Парчам к этому шагу, халькисты допускали установление с ней единства действий и объединения в рамках единого национально-демократического фронта. Другими словами, руководство Хальк повторило свою прежнюю, по сути ультимативную, позицию по проблеме организационного единства партии, которой оно придерживалось в конце 60-х годов (см. об этом в разделе «НДПА и проблема единства»). Между тем, подходы обеих фракций к вопросу о единстве действий, как это видно из приведенного выше обмена мнениями, практически совпадали и открывали в данной сфере благоприятную возможность для достижения соответствующей договоренности. Халькисты в своем «Заявлении» воздержались от критики реакционных сторон в политике республиканского режима и оставили без внимания тезис Парчам о дифференцированном подходе к вопросу о защите этого режима. [54]

11 сентября руководство Парчам распространило еще одно «Заявление», адресованное, как и прежде, членам своей организации. Оно призвало их «не раздражаться по поводу Заявления друзей-халькистов от 4 сентября», соблюдать терпение и последовательность и воздерживаться в общении с ними «от любых проявлений заносчивости, мелочных придиоров и эгоизма», добиваться разрешения существующих противоречий между фракциями за столом переговоров. «Нашей целью, – говорилось в письме Парчам, – являются достижение единства действий, наводка моста взаимного доверия и подготовка условий для полного единства». ЦК Парчам, заявив, что «в Афганистане должна существовать одна партия, носящая название НДПА», впервые выразил желание и готовность искать согласие с халькистами по вопросу о единстве партии «на основе постановлений Учредительного съезда партии и решений избранного им ЦК» [55] (подчеркнуто мною. – М.С.).

Указанное выше заявление ЦК Парчам было воспринято в кругах Хальк как готовность парчамистов решать проблему партийного единства на их (халькистских) условиях. 1 октября 1975 года произошла встреча представительных делегаций обеих фракций по обсуждению этого шекотливого вопроса. Однако добрым надеждам снова не суждено было сбыться. На следующий день ЦК Хальк в распространенном им «Информационном сообщении» обвинил парчамистов в том, что они на переговорах, нарушая данное ими слово о приверженности постановлениям Учредительного съезда и решениям избранного на нем ЦК, отказались признать Н.М.Тараки генеральным секретарем, а Г.Д.Панджшери – членом ЦК, отвергли принцип целостности партии и настаивали на признании права на существование в Афганистане двух партий, носящих название НДПА. Не скрывая раздражения и прибегая к оскорбительным выражениям, руководители Хальк уведомляли членов своей организации, что, мол, «группировка Парчам после двух лет коварного молчания стремится с помощью политического кликушества снова играть роль параллельной партии, чтобы ослаблять революционное движение в стране» и что «все эти ее крикливые призывы к единству делаются лишь ради срыва единства, ради своей рекламы». [56]

Отвечая в весьма сдержанном тоне на обвинения Хальк, ЦК Парчам в постановлении «Вперед к единству!», принятом 11 октября, с сожалением констатировал, что руководство «друзей-халькистов» исказило

характер и содержание переговоров, и подчеркнул, что по-прежнему считает «сплочение всех национально-демократических сил страны неотложной революционной задачей дня». Было особо отмечено, что делегация Парчам исходила на переговоры из того, чтобы «избежать бесплодных конфликтов и перебранок и расчистить путь для продолжения дружественного обмена мнениями с целью решения спорных проблем в интересах достижения полного единства». Как далее явствует из указанного документа, стороны на последнем заседании первого дня переговоров согласовали текст совместной резолюции. Делегация Хальк отказалась ее подписать, однако взяла с собой копию как «свидетельство устного джентльменского соглашения». Текст резолюции гласил:

«1 октября 1975 года. Каждая из делегаций доложит своему руководству точки зрения сторон по вопросу о полном единстве. Переговоры будут продолжены. Существует полное совпадение взглядов относительно продолжения и углубления единства действий. Партиями каждой из сторон еще раз подтверждаются принципы, согласованные на встрече 26 августа 1975 года, а именно:

полное прекращение подрывных действий, борьбы, агитации и разоблачений, направленных друг против друга;

создание атмосферы для взаимного искреннего и товарищеского сотрудничества;
осуществление совместной борьбы против общих врагов.

Примечание: каждая из сторон имеет право довести до сведения соответствующих товарищей содержание настоящих и будущих переговоров». [57]

Лидеры Парчам весьма корректно отклонили обвинения своих оппонентов как «безосновательные» и предложили не выдвигать вопрос о признании руководства в лице одного человека, а прежде всего согласовать позиции по таким проблемам, как: 1) программные и идеологические принципы единой партии; 2) генеральная линия; 3) организационные принципы партии; 4) состав и структура коллективного руководства НДПА (ЦК, исполнительный комитет, секретариат и др.). При этом было заявлено, что избрание и назначение достойных лиц в указанные органы должно быть осуществлено на основе соблюдения постановлений Учредительного съезда партии и решений избранного им ЦК, а также с учетом последующих реалий. Что касается генерального секретаря ЦК объединенной партии, то руководство Парчам заверило халькистов, что «не имеет честолюбивых намерений «навязывать» и «поставить» на этот руководящий пост кого-либо из своих членов». «Мы открыто заявляем, – говорится в названном выше постановлении, – что члены ЦК нашей партии проголосуют за того деятеля, включая Н.М.Тараки, кто будет выдвинут нашими друзьями-халькистами в качестве генерального секретаря и получит одобрение партии и движения, а также поддержат членство в едином ЦК НДПА Г.Д.Панджшери и других товарищей». Выразив готовность продолжать поиски путей к сплочению всех национально-демократических, прогрессивных и патриотических сил, ЦК Парчам выразил убеждение, что разногласия с Хальк вполне разрешимы за столом переговоров и не могут служить препятствием к достижению и единства действий, и полного организационного единства партии.

Призыв Парчам к продолжению переговоров не был услышан в лагере Хальк. Контакты между ними опять прервались. Б.Кармаль, выступая на партийной конференции 26 декабря 1975 года, снова вернулся к проблеме союза и сотрудничества революционно-демократических сил, включая и Хальк. Однако на сей раз выдержка и такт, присущие лидеру Парчам, изменили ему. Отступая от своего недавнего призыва избегать во полемике «разоблачений и выпадов» друг против друга, он подверг острой критике руководство Хальк, обвинив его в «раскольнической и оппортунистической деятельности», в «сговоре с правым крылом режима», а членов и сторонников этой организации – участников переворота 1973 года – в карьеризме, поддержке идеи создания режима личной власти в стране, участии «в заговорах, направленных против левого крыла и прогрессивных деятелей режима». Б.Кармаль отметил, что и часть членов Парчам, войдя в государственный аппарат, тоже обюрократилась, запятнав этим «гордое имя парчамиста». [58]

В марте 1976 года от имени «Общества афганских коммунистов за рубежом» (сторонники Парчам. – М.С.) была напечатана типографским способом за пределами страны листовка «Предупреждение» и распространена в Афганистане. Поводом к ее появлению явились материалы Хальк, опубликованные в ряде прогрессивных печатных органов Индии и Ирака. Составители листовки выразили негодование в связи с содержащейся в этих материалах характеристикой Хальк как «коммунистической партии», а Н.М.Тараки как «великого коммунистического лидера Афганистана» и заявили, что подобные претензии халькистов, с одной стороны, еще больше углубляют раскол и усиливают противоречия в рядах национально-демократического движения и, с другой, приводят к политическим недоразумениям и дают реакции пищу для провокаций. [59]

Руководители Хальк бурно отреагировали на указанную критику. Летом 1976 года они опубликовали и распространили в стране и за рубежом две брошюры «О Народно-демократической партии Афганистана (авангарде рабочего класса страны)» и «Парчамизм – обман трудящихся масс Афганистана», в которых в свойственной им декларативной манере обрушились на своих партийных оппонентов с обвинениями буквально во всех смертных грехах. В последней брошюре было заявлено, в частности, что «парчамизм – это раскольническое, ... глубоко враждебное марксизму, оппортунистическое течение в национально-демократическом движении Афганистана», стремящееся «идейно и организационно подорвать НДПА, принципы демократического централизма и подлинно революционного интернационализма». [60] На основе анализа социально-классового состава Парчам и концепций «национальной демократии», выдвинутой ее руководителями (см. об этом в разделе «Межфракционная борьба в НДПА: причины, характер, последствия»), был сделан довольно сомнительный вывод о «буржуазной сущности парчамизма», а сама организация квалифицирована как антинациональная и антисоветская, как «агентура афганской реакции и международного империализма». Авторы брошюры для разоблачения и развенчания Парчам и ее лидеров использовали обширный вокабуляр оскорбительных эпитетов, ярлыков и бранных выражений, как например: группа «сундучного коммунизма и денежного мешка», «легальные фракционеры», «заклятые

предатели народа», «слабые души, растлеваемые денежными подачками», «парчамистские болтуны, бездельники и мироеды» и т.п. Со злой иронией писалось: о депутатах НДПА (членах Парчам) в парламенте 12-го созыва – они якобы «поражали и приводили в восторг своими «красными речами» в Вулуси джирге политически незрелых иностранцев и кабульских обывателей»; о членах Парчам, вошедших в республиканские органы власти, – они «пускали революционную пыль в глаза отечественных и зарубежных ротозеев»; о Б.Кармале – он-де «прошел через «каторгу» в сытом кабульском лицее и «тюремную школу» в лондонском университете» (между прочим, Б.Кармаль в Лондоне никогда не учился. – М.С.) и т.д.

Руководство Хальк в разгар этих своих неистовых нападков на парчамистов еще раз повторило условия, на которых оно было согласно на единство и союз национально-демократических и прогрессивных сил, а именно: 1) присоединение к НДПА (т.е. Хальк. – М.С.) «всех лиц и групп, верящих в программу партии и ее организационные и идеологические принципы, и на основе постановлений первого съезда НДПА и избранного им ЦК»; 2) «объединение вместе с НДПА в общий национально-демократический фронт при сохранении своей идеологии и самостоятельности тех партий и сил, которые борются против феодализма и империализма, но не согласны полностью с идеологическими и организационными принципами НДПА». [61] Парчам, в свою очередь, не выдвигая каких-либо предварительных условий, продолжала призывать к единству все прогрессивные, патриотические, демократические и левые силы. [62]

Тогда, во второй половине 1976 года, ни одна из указанных сторон не проявляла желания пойти на какие-либо уступки и, казалось, проблема партийного единства была окончательно загнана в тупик. Однако вскоре жизнь, а точнее угроза их жизни, исходившая от режима М.Дауда, охладила не в меру воинственный пыл левых радикалов и вернула их к благоразумию. Ради истины надо сказать, что неоценимую роль в этом повороте к поиску компромиссов сыграли видный деятель Народной партии Ирана Эхсан Табари, один из лидеров Национальной народной партии Пакистана Аджмаль Хаттак и другие зарубежные, в том числе и советские и индийские, друзья НДПА. [63] По их настоятельному совету и при активном посредничестве Шах Мухаммад Доста (впоследствии министр иностранных дел ДРА) в марте 1977 года [64] в Кабуле состоялась встреча Н.М.Тараки и Б.Кармаля, на которой были обсуждены политическая ситуация в стране, сложившаяся после принятия республиканской конституции, и принципы организационного единства партии. Во встрече участвовали также Нур Ахмад Нур и Хафизулла Амин (см. Приложение 9). В июне прошла еще одна встреча лидеров Хальк и Парчам, по итогам которой было подписано «Заявление о единстве НДПА». Вслед за ней состоялось совместное заседание Центральных комитетов обоих крыльев, а 3 июля в условиях подполья была проведена объединительная конференция. В ее работе приняли участие 90 делегатов.

Объединение двух группировок НДПА стало возможным в результате отказа Хальк от своего требования о безоговорочном присоединении к ней Парчам, а также некоторых других требований. Как признавали впоследствии сами халькисты, «единство состоялось на условиях парчамистов». [65] В его основу был положен предложенный Б.Кармалем принцип паритета, то есть равного представительства халькистов и парчамистов при формировании всех руководящих органов партии сверху донизу. [66] В соответствии с этим принципом, на конференции членами и кандидатами в члены ЦК НДПА были избраны 30 человек [67] (см. Приложение 7), в том числе:

от Хальк		от Парчам	
1.	Нур Мухаммад Тараки	1.	Бабрак Кармаль
2.	Салех Мухаммад Зерай	2.	Мир Акбар Хайбар
3.	Гулям Дастагир Панджшери	3.	Султан Али Кештманд
4.	Д-р Акбар Шах Вали	4.	Д-р Анахита Ратебзад
5.	Хафизулла Амин	5.	Нур Ахмад Нур
6.	Мухаммад Исмаил Данеш	6.	Сулейман Лайек
7.	Абдул Хаким Шараи Джаузджани	7.	Мухаммад Хасан Барек Шафии
	Абдул Карим Мисак		Абдул Маджид Сарболанд
8.	Мухаммад Хасан Пайман	8.	Абдул Вакиль
9.	Махмуд Аламгуль Сума	9.	Гулям Сарвар Юреш
10.	Мухаммад Мансур Хашеми	10.	Абдул Куддус Горбанди
11.	Абдуррашид Арьян	11.	Незамуддин Тахзиб
12.	Мухаммад Ясин Боньяди	12.	Махмуд Барьялай
13.	Абдул Ахад Вулуси	13.	Д-р Наджиб (улла)
14.	Д-р Абдул Мухаммад	14.	Феда Мухаммад Дехнешин

Непростым оказался вопрос об избрании на пленуме ЦК высших руководящих органов партии – генерального секретаря, Политбюро и Секретариата. Б.Кармаль, имея в виду, что персональный состав руководства партии всегда был камнем преткновения на пути к единству НДПА, предложил два варианта его решения: избрать Н.М.Тараки первым секретарем ЦК, его (Б.Кармаля) – вторым, а также ввести в Секретариат еще нескольких лиц на паритетной основе; или же, в случае несогласия с этим вариантом, избрать Н.М.Тараки генеральным секретарем, а Б.Кармаля – секретарем, поручив им вести дела Секретариата. При обсуждении данного вопроса открыто выраженную антипарчамистскую позицию занял Х Амин. Он заявил, что «Бабрак Кармаль не может быть вторым официальным лицом в партии, поскольку с ним она изолирует себя от народа». [68] Демарш Х.Амина возымел действие. В итоге пленум принял компромиссное решение: Н.М.Тараки был избран генеральным секретарем, а Б.Кармаль стал одним из трех секретарей ЦК НДПА (кроме него, в Секретариат вошли Акбар Шах Вали и Нур Ахмад Нур). Разногласия возникли и при

обсуждении состава Политбюро. Н.М.Тараки упорно добивался ввести в него (как, впрочем, и в Секретариат) Х.Амина, а парчамистское крыло – Мир Акбара Хайбара. Кандидатура Х.Амина не получила поддержки со стороны большинства членов ЦК – и парчамистов, и халькистов. Против его избрания в Политбюро возражали, к примеру, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери и А.К.Мисак. Не был введен в указанный орган и М.А.Хайбар. По итогам голосования Политбюро было образовано в составе десяти человек (от каждой фракции по пять представителей). Персонально от Хальк в него вошли Н.М.Тараки, С.М.Зерай, Г.Д.Панджшери, А.Шах Вали и А.К.Мисак, а от Парчам – Б.Кармаль, С.Лайек, Н.А.Нур, С.А.Кештманд и М.Х.Барек Шафии. На основе принципа паритета были сформированы все отделы и комиссии ЦК, руководящие органы провинциальных, городских и районных партийных организаций.

Возникает вопрос: что же заставило Н.М.Тараки принести Х.Амина в жертву партийному единству? Пакистанский автор Раджа Анвар приводит мнение ряда халькистских деятелей – приверженцев Н.М.Тараки, считавших, что последний сделал это ввиду якобы появившегося у него в ту пору недоверия к своему ученику и желания лишить его возможности заниматься партийной работой в армии. [69] Такого рода предположения, представляется, лишены основания. Н.М.Тараки в 1977 году по-прежнему полностью доверял Х.Амину и не осознавал еще его макиавеллевскую роль в партии. «Принесение в жертву» Х.Амина было для Н.М.Тараки вынужденной, тактической мерой, ибо в противном случае он рисковал бы остаться на пленуме в меньшинстве и нанести таким образом ущерб своей репутации. К тому же лидер Хальк, видимо, был вполне удовлетворен тем, что, пожертвовав своего любимца, он погасил претензии парчамистского крыла на представительство в Политбюро М.А.Хайбара, которого еще накануне конференции халькисты клеймили как «офицера монархической полиции» и заявляли, что он «никогда не состоял в партии». [70]

На конференции было принято решение об объединении всех гражданских партийных организаций двух крыльев. Временно не подлежали объединению лишь подпольные организации в вооруженных силах. По моему мнению, это было совершенно правильное решение. Оно не нарушало стабильности глубоко законспирированных связей партии с армией, снимало такой щекотливый вопрос, как назначение нового ответственного лица по работе среди военных, а также не создавало каких-либо дополнительных предпосылок для раскрытия спецслужбами режима армейского партийного подполья, которые бы неизбежно возникли в случае проведения организационных мероприятий, связанных с созданием единых военных организаций. Следует учитывать, что противоречия между халькистами и парчамистами в армии носили более глубокий характер, чем в гражданской сфере.

В принятом на конференции и подписанным 60 делегатами постановлении было отмечено, что объединенная партия руководствуется прежним Уставом и программой и в своей деятельности исходит из стратегической цели – обеспечения победы национально-демократической революции, образования демократической республики Афганистан и выбора некапиталистического пути развития страны. Большое внимание в этом документе было уделено качественному и количественному укреплению партийных организаций на всех уровнях, устранению политических и организационных разногласий, повышению идейно-политической подготовки партийцев, расширению работы в массах и объединению вокруг НДПА демократических и прогрессивно-патриотических сил. Было признано актуальным добиваться от властей легального статуса организации и расширения ее международных связей. ЦК поручалось подготовить и провести II съезд партии и, если обстановка позволит, подготовить и издать краткую историю НДПА. На пленуме объединенного ЦК были впервые поставлены вопросы и приняты соответствующие решения о необходимости свержения деспотического режима М.Дауда и перехода партии на нелегальное положение. [71]

Конференция обратилась с письмом к членам НДПА, в котором было заявлено, что партия «смело выбросила в мусорный ящик все прошлые взаимные обвинения» «во имя боевого единства воли, действий и мысли». Партийный форум потребовал от них обеспечить спайку и организационное единство, повести решительную борьбу против любых проявлений фракционизма, групповщины, высокомерия, сектантского и эгоистического поведения, создать в организациях атмосферу искренности и товарищества, сплачивать и привлекать на свою сторону национально-демократические и прогрессивные элементы, разоблачать и нейтрализовывать происки и антидемократические действия внутренней и внешней реакции. [72]

Воссоединение НДПА явилось знаменательным событием в истории леводемократического движения в Афганистане. Давая оценку данному событию, Н.М.Тараки в феврале 1978 года не без оснований, правда, и не без доли определенного преувеличения писал: «НДПА, добившись полного идеологического и организационного единства, превратилась ныне во влиятельную силу, признанную в обществе (вместе с ее возможными союзниками) как потенциальную и надежную леводемократическую альтернативу». [73]

Уйдя в подполье, единая НДПА прекратила распространение листовок, заявлений и других печатных материалов. В то же время она усилила свою деятельность непосредственно в трудовых коллективах (например, через кассы взаимопомощи, созданные на ряде предприятий), в гражданских учреждениях, армии. По-прежнему ей уделялось большое внимание работе среди молодежи. Как уже отмечалось, еще в апреле 1972 года руководство Парчам выдвинуло задачу создания массовых общественных организаций, в том числе и молодежной. Однако эта установка длительное время оставалась нереализованной. И лишь в соответствии с решением третьей партийной конференции в конце 1975 года ЦК Парчам образовал две комиссии: Центральную во главе с членом Политбюро А.Ратезад для осуществления общего руководства по формированию молодежной организации и Кабульскую провинциальную комиссию, на которую была возложена практическая задача по созданию организационных структур Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА) от низовых ячеек до комитетов. В состав последней комиссии вошли недавний выпускник медицинского факультета Кабульского университета Наджиб (председатель), преподаватель Кабульского политехнического института Бурхан Гияси, сотрудница министерства просвещения Джамиля Пальваша, руководитель кассы взаимопомощи Наджмуррахман Мавадж и Азим Шахбаль. [74]

Через несколько месяцев был образован руководящий комитет ДОМА во главе с Б.Гияси. 6 мая 1976 года на расширенном заседании указанного комитета была принята временная программа организации, озаглавленная «Программные принципы Демократической организации молодежи Афганистана». В ней заявлялось, что «ДОМА создается как самостоятельная организация..., помощник и резерв партии, как школа воспитания будущих партийцев из числа студенческой и учащейся молодежи в возрасте от 14 до 20 лет». [75] Что касается Хальк, то она не имела в то время своей молодежной организации. После объединительной конференции партии ДОМА стала молодежной организацией единой НДПА. К апрелю 1978 года в рядах ДОМА насчитывалось до пяти тысяч человек. [76] В основном это были учащиеся и студенты столичных учебных заведений. НДПА продолжала проводить нелегальную работу и через Демократическую организацию женщин Афганистана, вобравшую в себя после восстановления единства партии женские организации обеих фракций.

В условиях подполья для НДПА особое значение приобрела деятельность по организационно-политическому укреплению партийных организаций, привлечению в ряды партии новых членов, расширению связей с различными слоями населения. Следует заметить, что Парчам и Хальк пришли к 1977 году с различным потенциалом сил и возможностей. Альянс организации Парчам с М.Даудом, возникший, как известно, на основе общности цели – свержения монархического строя, обернулся для нее напрасной расстройкой сил. Ее представители в органах власти и управления республики одними из первых среди демократов подверглись репрессиям, поскольку их левая принадлежность уже не являлась секретом для карательных служб режима. Особенно большие потери понесла военная организация Парчам. В более выгодном положении оказались халькисты. Будучи отвергнутыми режимом М.Дауда и не войдя после переворота, кроме единиц, в руководящие звенья госаппарата, они сумели не только сохранить организацию (хотя потери были и у них), но и заметно нарастить свои силы, прежде всего за счет вовлечения в свои ряды радикально настроенных военных. Халькисты раньше, чем парчамисты, перешли от поддержки режима М.Дауда к его отрицанию. Видимо, уже в начале 1974 года руководство Хальк стало склоняться к идее насильственного ниспровержения М.Дауда с помощью армии. В биографии Н.М.Тараки, официально изданной в Кабуле в 1978 году по этому поводу писалось: «После переворота 1973 года он (Н.М.Тараки. – М.С.) довел до партии, что в Афганистане появилась возможность добиться перехода политической власти в руки народа (хальк) кратчайшим путем. Тот классический вариант, в соответствии с которым производительные силы должны пройти различные этапы своего развития, а затем построить общество на основе научного социализма, требует длительного времени. Если же развернуть широкую и глубоко продуманную работу в вооруженных силах, то можно сократить это время. То, что раньше армия везде рассматривалась как орудие диктатуры и гнета господствующего класса, еще не означает, что этот класс не может быть свергнут, а указанное орудие у него отнято. Тов. Тараки говорил, что надо взять в свои руки данное орудие и отстранить от власти правящий класс». [77] Как вытекает из приведенной цитаты, автором указанной, по сути своей путчистской, идеи являлся Н.М.Тараки. Однако, по свидетельству многих афганских деятелей, входивших в непосредственное окружение лидера Хальк, подлинным ее творцом и рьяным исполнителем являлся Хафизулла Амин, назначенный в 1973 году по предложению своего патрона и решению ЦК руководителем партийной организации в вооруженных силах Афганистана. [78]

Х.Амин и ряд других деятелей (параллельно с ним в армии работали С.М.Зерай, А.К.Мисак, А.Р.Арьян и др.) сумели в течение нескольких лет создать разветвленную сеть нелегальных ячеек как в столичном, так и в отдаленных гарнизонах страны. [79] Ими в организацию вовлекались преимущественно унтер-офицеры и офицеры-пуштуны, составлявшие большинство командного и начальствующего состава армии, особенно в боевых частях и подразделениях. В 1976 году Х.Амин представил генеральному секретарю ЦК партии письменный доклад о том, что «НДПА в вооруженных силах уже в состоянии с незначительными потерями свергнуть режим М.Дауда и взять политическую власть». Н.М.Тараки, видимо, понимая авантюризм такого вывода, призвал своего ученика «подождать, пока в стране появятся более надежные объективные и субъективные предпосылки и партия станет более сильной». [80] Таким образом, лидером Хальк военный путч был отложен, но не отвергнут в принципе. Следует отметить, что халькисты никогда не приводили сведений о количественном составе своей военной организации. По некоторым приблизительным данным, к апрелю 1978 года она насчитывала в своих рядах не менее 1,5 тысяч членов и немало сторонников. Численно она превосходила военную организацию Парчам. В целом же в вооруженных силах у НДПА к указанному времени было, по всей вероятности, от двух до трех тысяч членов.

Слияние гражданских партийных организаций двух крыльев и «притирка» друг к другу их членов в низовых структурах партии проходила без особых осложнений, но и не безболезненно. Десятилетие их раздельного функционирования и взаимной враждебности оставили в их умах и сердцах глубокие шрамы, выработали у них свой стиль отношений между собой, свою систему привязанностей и авторитетов. Поэтому и после объединения партии в ее организациях продолжали сохраняться прочные внутрикрыльевые связи, тяготение к прежним руководителям, холодок в отношениях с новыми партийными коллегами. Однако сильнее всего рецидивы прошлого давали о себе знать в высшем руководстве НДПА. Здесь главным раздражителем, неизменным объектом и субъектом горячих споров являлся Х.Амин. Б.Кармаль, Н.А.Нур и другие бывшие члены руководства Парчам, не питая к нему доверия, неоднократно требовали отстранения его от руководства военной организацией партии. Но всякий раз его под защиту брал Н.М.Тарки. [81] В конце марта 1978 года вопрос о раскольнической антипартийной деятельности Х.Амина снова был вынесен на обсуждение ЦК НДПА. Большинство голосов было принято решение вывести его из состава ЦК. С данным мнением вынужден был согласиться и Н.М.Тараки. Однако из-за разного рода проволочек (и, очень вероятно, не без участия лично Н.М.Тараки) решение ЦК не было реализовано, а через месяц, когда НДПА в результате апрельского вооруженного восстания (при непосредственной причастности к

нему Х.Амина) пришла к власти, и вовсе забыто. [82]

В момент восстановления партийного единства в НДПА насчитывалось до 15 тысяч членов. [83] В следующие месяцы она заметно увеличила свои ряды.

5.3 Правая антидаудовская оппозиция

Свержение монархии и намерение республиканского правительства провести в стране преобразования в экономике и политике и, прежде всего аграрную реформу, а также усиление влияния левых в органах центральной власти вызвали резкое противодействие правых консервативно-клерикальных кругов. Только за первые пять месяцев существования республики были раскрыты два крупных антиправительственных заговора. Первый из них, сорванный в сентябре 1973 года, возглавил бывший премьер-министр М.Х.Майвандваль, пользовавшийся как в стране, так и за рубежом репутацией деятеля прозападной ориентации. [84] По подозрению в заговоре было арестовано более 100 влиятельных деятелей прежнего режима. Среди них оказались пять бывших депутатов парламента, четыре крупных коммерсанта, 11 представителей интеллигенции и большая группа высокопоставленных армейских чинов, в том числе бывший командующий ВВС и ПВО, никогда не скрывавший своих проамериканских взглядов и постоянно поддерживавший тесные контакты с сотрудниками посольства США в Кабуле генерал-полковник в отставке Абдурраззак, бывший губернатор Нангархара генерал-лейтенант в отставке Хан Мухаммад, бывший командующий полицией и жандармерией генерал-лейтенант Мухаммад Рахим, полковник Заргун Шах, Саид Амир, Кохат, Ковват-хан Бридваль и другие. По сведениям афганской печати, в ходе следствия была выявлена связь группы М.Х.Майвандваля с правительственными кругами Пакистана, которые обещали ей не только финансовую поддержку, но и помощь оружием. В планах заговорщиков предусматривались нанесение силами их сторонников в ВВС бомбовых ударов с воздуха по верным республиканскому режиму частям сухопутных войск в Кабуле, Кандагаре и других местах, а также, в случае необходимости, проведение «освободительного рейда» с чужой территории вглубь Афганистана с целью захвата Кабула. [85]

Несколько дней спустя после ареста М.Х.Майвандваль был обнаружен в своей камере повешенным. Согласно официальным сообщениям, он покончил жизнь самоубийством. Однако многие как в Афганистане, так и за рубежом подвергают эту версию серьезному сомнению. [86] Другие участники заговора были преданы суду военного трибунала, который в декабре 1973 года приговорил пятерых из них, включая и М.Х.Майвандваля, к смертной казни, остальных – к различным срокам тюремного заключения. Двое были оправданы.

Второй не менее опасный заговор, организованный влиятельным духовенством и возглавленный бывшим руководителем службы государственной безопасности монархического режима генералом Хабибуллою Рахманом, был раскрыт в конце 1973 года. По этому делу в течение нескольких дней, начиная с ночи с 19 по 20 декабря, было арестовано более 600 религиозных деятелей, членов клерикальных группировок, военных, представителей интеллигенции и других слоев населения. Х.Рахман был приговорен к смертной казни, один из заговорщиков – к пожизненному заключению и 10 человек – к различным срокам лишения свободы. [87]

Наиболее непримиримую позицию по отношению к республиканскому правительству М.Дауда заняла группировка «Мусульманская молодежь». В этот период в ее руководстве фактически произошел раскол, основной причиной которого явились разные подходы двух крыльев – молодежного (экстремистского) и «умеренного» (т.н. «стариков») – к вопросам тактики и форм борьбы с новым, республиканским режимом. Первое из них выступало за немедленную подготовку вооруженного восстания против «безбожного» правительства М.Дауда, изгнание «коммунистов» из государственных органов и образование «подлинно исламской республики». Другое же крыло считало восстание авантюрой, обреченной на поражение, и предлагало вести тщательную подготовку к совершению военного переворота. Верх в руководстве организации взяло, однако, молодежное крыло. Оно, поощряемое и поддерживаемое влиятельными консервативными и клерикальными кругами страны, активно подключилось к подготовке антиправительственных заговоров. При этом основная ставка делалась на сторонников организации в армии.

Следующий крупный заговор с участием исламских радикалов и военных был ликвидирован властями в июле 1974 г. Незадолго до этого в руки органов безопасности при обыске в книжных лавках-библиотеках, расположенных в районе Димазанг (один из районов Кабула) и соборной мечети «Пули-Хешти» (последняя лавка принадлежала маулави из Герата Файзани, который еще в 1970 году установил связи с «Мусульманской молодежью»), попали важные документы о деятельности организации и списки ее членов в центре и в провинциях. По этому делу было арестовано до 300 человек, среди которых оказались военные (в основном младшие офицеры), представители духовенства, активисты и руководители «Мусульманской молодежи», в частности инженер Хабибурахман (приговорен к смертной казни и расстрелян), Файзани и С.Насратъяр (оба осуждены на пожизненное заключение), профессор Г.М.Ниязи (по некоторым данным, еще при М.Дауде был казнен). В ходе следствия была установлена связь этой группы путчиков с религиозными кругами ряда арабских стран, от которых они получали деньги и оружие.

Многочисленные аресты заговорщиков и суровые приговоры в отношении их не остановили, однако, консервативно-клерикальные круги в их попытках свергнуть режим М.Дауда. Оставшиеся на свободе участники указанного заговора создали подпольный «Комитет партизанских действий». Ряд членов руководства и функционеров «Мусульманской молодежи» (Г.Хекматъяр, профессор Голь Мухаммад, Б.Раббани, Мухаммад Наджир Бадахши, Мухаммад Насим Тарек Мослемъяр, инженер Абдул Алам и др.) эмигрировали в Пакистан, где были гостеприимно встречены крайне правой религиозно-политической организацией «Джамаат-и ислами». Здесь им, как оппозиции М.Дауду, была также оказана со стороны правительства З.А.Бхутто помощь оружием, снаряжением и финансами. Более того, активисты «Мусульманской молодежи» при содействии и при непосредственном участии спецслужб Пакистана прошли военную подготов-

ку и составили костяк так называемого «авангарда джихада».

21 июля 1975 года под руководством «Мусульманской молодежи» началось антиправительственное вооруженное восстание в Панджшерской долине, а затем в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар. По времени оно совпало с восстанием, которое подняли в северо-восточных провинциях Афганистана сторонники Бахруддина Баэса, руководителя будущей «Организации федаев трудящихся Афганистана» (ОФТА). По неподтвержденным данным, в вопросах борьбы против даудовского режима они сотрудничали с «Мусульманской молодежью» и группировкой Шоалеи джавид. Восстание, однако, не было поддержано местным населением, на что рассчитывали его зачинщики, и регулярные части афганской армии совместно с подразделениями полиции без особых усилий подавили его. Многие ветераны «Мусульманской молодежи» или погибли в бою, или были схвачены и преданы суду военного трибунала (перед судом предстало 100 человек), или же бежали в Пакистан, где получили статус политических беженцев («мохаджеров»). По данным, приводимым в западной печати, [88] афганские экстремисты в противоборстве с властями в конце 60-первой половине 70-х годов потеряли только убитыми до 600 человек. Брошены были в тюрьмы и активисты Шоалеи джавид. Ряд их них, в том числе один из ее руководителей доктор Рахим Махмуди, повешен. [89]

Еще один заговор против правительства М.Дауда, ликвидированный в декабре 1976 года, возглавил тесно связанный с клерикальными кругами и шиитскими духовными лидерами страны начальник артиллерийского управления министерства национальной обороны генерал Сеид Мир Ахмад Шах. Заговорщики ставили своей целью создать в Афганистане теократическое государство во главе с «праведным президентом», избранным из среды духовенства, утвердить в стране власть «прогрессивного ислама» и «искоренить влияние коммунистов». [90]

К середине 70-х годов «Мусульманская молодежь» была обескровлена и практически перестала существовать как организация. На ее осколках еще с 1974 года Г.Хекматъяр, укрывшись в Пакистане, стал создавать Исламскую партию Афганистана (ИПА). С ним непродолжительное время (примерно три месяца) в рамках новой партии сотрудничал Б.Раббани. Однако вскоре он со своими сторонниками образовал самостоятельную организацию – Исламское общество Афганистана (ИОА).

Следует отметить, что в рассматриваемые годы политическая деятельность правой антидаудовской оппозиции не отделилась только к попыткам совершения государственных переворотов. После 1973 г. они яростно ополчились против левых сил, предпочитая при этом террор и насилие всем другим методам борьбы.

5.4 Кризис режима власти М.Дауда. Апрельское вооруженное восстание 1978 г. Провозглашение Демократической Республики Афганистан

Накануне апрельского вооруженного восстания Афганистан по-прежнему оставался одним из беднейших государств, входя в число 31 самой отсталой страны мира. Отсталость Афганистана и проблемы, связанные с нею, находили свое проявление буквально во всех сферах жизни общества. Так, по национальному доходу на душу населения, составлявшему в 1978 году 157 долларов, он занимал 108 место среди 129 развивающихся стран. В расчете на душу населения валовая продукция промышленности составляла в указанном году всего 48 долларов, сельского хозяйства – 127, экспорта – около 18 долларов. В течение 20 лет, предшествовавших революции, среднегодовой рост ВВП составлял 0,7 %, продукции сельского хозяйства – 2, а прирост населения – 2,55 %. [91]

Уровень жизни подавляющего большинства населения был крайне низок. Более 40 % населения страны не могли удовлетворить самого минимума своих скромных социальных потребностей и жили в условиях ужасающей нищеты. 66-68 % детей страдали от недоедания. Детская смертность достигала отметки 181,37 на 1000 новорожденных. Более 50 % детей умирали, не достигнув возраста пяти лет. На 10 тысяч человек населения страны приходилось всего лишь 0,63 доктора и 1,8 койки в лечебных учреждениях. При этом 80 % всех врачей было сосредоточено в столице. В связи с этим уровень медицинского обеспечения в провинциях был гораздо ниже среднестатистического по стране. Так, в провинции Газни один врач приходился на 49 333 человека, а в провинции Гор – на 59 333. В провинции Парван на каждые 30 100 ее жителей имелась всего одна больничная койка. На здравоохранение ежегодно выделялось лишь 0,65 % национального дохода, то есть всего 57 афгани на человека. Санитарное и эпидемиологическое состояние в стране во многом определялось ограниченностью источников доброкачественной воды и почти полным отсутствием (даже в крупных городах) системы ее очистки и обеззараживания. По афганским данным, более 95 % населения постоянно потребляли не пригодную для питья воду. И в городах, и в деревнях широкое распространение получили такие болезни, как туберкулез, малярия, оспа, трахома, гепатит, гельминтозы, различные желудочно-кишечные заболевания. В результате всего этого – недоедания, антисанитарных условий быта, отсутствия необходимой медицинской помощи, эпидемических болезней, высокой детской смертности – средняя продолжительность жизни в стране не превышала 42 лет. [92]

Согласно данным статистики за 1977 год, Афганистан по уровню образования занимал 127 место среди стран мира. Неграмотность среди мужчин достигала 92 %, а среди женщин – 95 (по другим данным – соответственно 95 и 99 %). [93] В стране на 17,5 миллионов человек населения насчитывалось всего 3728 школ, из них 237 – женских. Только 29 % мальчиков и 9 % девочек школьного возраста имели возможность получить образование. В сельских же районах лишь 3-4 % девочек посещали начальную школу. Положение в сфере образования, на нужды которого из казны обычно выделялось два процента ВВП, при республиканском режиме не только не улучшилось, но и заметно ухудшилось. Предпринятая в 1975 году реформа системы просвещения дала обратные результаты: если накануне ее проведения начальную школу

могли посещать примерно треть детей школьного возраста, то в 1978 году – уже менее четверти (24 %). Но и из этого числа возможность закончить начальную (восьмилетнюю) школу реально имели лишь 15 % учащихся, из которых, в свою очередь, не более половины могли быть допущены к получению среднего образования. Если в середине 70-х годов из 20 тысяч выпускников средней школы не могли найти работу 50 %, то в 1977 году этот процент поднялся уже до 80. [94]

Особенно тяжелым было положение в сфере экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, где было занято около пяти (из шести) млн. человек дееспособного населения страны и доля которого в ВВП составляла около 60 %. Кризисные явления в земледелии и животноводстве страны были порождены господством в афганской деревне пережитков докапиталистических, а в ряде мест и дофеодальных производственных отношений. Как и сотню лет назад, полными хозяевами деревни, где проживало 84,8 % населения Афганистана, оставались крупные землевладельцы-малеки, которые сами обычно не вели хозяйства, а сдавали землю в аренду крестьянам на условиях традиционной и не регулируемой какими-либо законами или положениями феодальной издольщины и испольщины. Почти повсеместно арендные платежи, составлявшие от 20 до 80 % урожая, изымались преимущественно в натуральной форме. По свидетельству пакистанского автора Раджа Анвара, из 28 тысяч афганских деревень в руках феодальных малеков находилось 20 тысяч. Крупные малеки, составляя всего лишь около 5 % общего числа земельных собственников, владели примерно 45 % первоклассных обрабатываемых земель. В то же время значительная часть крестьян (примерно 40 % от общего числа землевладельцев) имели участки земли менее 1 га, что не обеспечивало прожиточный минимум крестьянской семьи. Примерно треть крестьян вообще не имели земли и вынуждены были арендовать ее у малеков, батрачить или заниматься отходничеством. По ориентировочным данным, аграрное перенаселение в Афганистане достигало половины его сельского населения (без кочевников). Около 2,5 млн. человек вели кочевой или полукочевой образ жизни. [95]

Афганистан, значительную часть территории которого занимают труднодоступные горы и безводные пустыни, располагает ограниченными площадями, пригодными для сельскохозяйственного производства. По имеющимся данным, из 64,75 млн. га земельной площади страны пахотнопригодный фонд составляет лишь 7,84 млн. га. Фактически же в 1978 году для посевов использовалась только половина указанного фонда, из которого 2,6 млн. га составляли поливные земли и 1,3 млн. – богарные. Оставшаяся часть земли занимали пары и перелог. Минеральные удобрения применялись лишь на 1/8 части орошаемых земель. В связи с тем, что преобладающая часть территории Афганистана расположена в зоне сухих субтропиков с высокими температурами в весенне-летний сезон, решающее значение для устойчивого сельскохозяйственного производства имеет орошение. Однако в целом имевшиеся в стране ирригационные системы и сооружения (кроме Джалалабадского ирригационного комплекса, построенного при советском экономическом и техническом содействии) были весьма примитивными и обеспечивали орошение чуть более 33 % пахотных земель (или примерно 19 % всех сельскохозяйственных угодий). При этом более чем на половине поливных земель хронически не хватало воды. Очень низким был технический уровень сельскохозяйственного производства. Все это серьезно сказывалось на урожайности основных сельскохозяйственных культур и прежде всего пшеницы – основной продовольственной культуры, занимавшей 60 % всех посевных площадей и 69 % посевов зерновых. Так, на поливных землях урожайность пшеницы и ячменя составляла в среднем 10-11 ц с гектара, кукурузы – 13-14, а на богарных землях урожай зерновых не превышал 5-6 ц с га. [96] По этим показателям Афганистан занимал одно из последних мест в мире.

Ввиду отсталости аграрного строя, технической слабости и зависимости сельскохозяйственного производства от погодных условий афганское земледелие уже давно оказалось не в состоянии обеспечить потребности населения в продовольствии. В течение последних двух десятилетий перед апрельскими событиями 1978 года среднедушевое производство пшеницы упало со 183 кг в 1957 до 151 кг в 1977 году. Валовой сбор основных зерновых культур постоянно отставал от роста населения. Так, если сбор пшеницы за указанный период увеличился с 2,2 млн. т до 2,65 млн. т, то есть на 20,45 %, то население за это же время выросло на 45, 8 %. [97] В этих условиях Афганистан вынужден был большую часть потребностей в продуктах питания удовлетворять за счет импорта, который к 1978 году составлял (в процентах): по зерну – 47; растительному маслу – 58; сахару – 87; овощам и фруктам – 23. Дефицит товарного зерна, ежегодно составлявший не менее 200 тысяч т, частично покрывался за счет импорта из США, СССР и Пакистана. В условиях дефицита постоянно росли цены на муку и хлеб. [98]

Кризис переживала и вторая основная отрасль сельскохозяйственного производства Афганистана – животноводство, доля которого в общем объеме продукции сельского хозяйства составляла 25-30 %, а в стоимости экспорта – более 10. поголовье овец, дававших основную часть товарного мяса и шерсти в стране, практически в последнее десятилетие перед революцией не росло и колебалось в пределах 20-22 млн. голов (для сравнения: в предшествовавшее ему десятилетие, с 1956/57 по 1967/68 год, поголовье овец увеличилось с 16,4 млн. до 21,5 млн. голов, то есть более чем на 5 млн.). Еще хуже было положение с разведением крупного рогатого скота и коз, рост поголовья которых фактически остановился с 1963 года и все эти годы вплоть до апреля 1978 года не превышал соответственно 3,7 и 3-3,4 млн. голов. К 1978 году производство мяса на душу населения (без учета кочевников) составляло (в кг): баранины – 9,4, говядины – 5,3 и птицы – 0,6. Главной причины стагнации афганского животноводства являлась его крайне низкая продуктивность, связанная со слабой кормовой базой (к 1978 году более 30 % пастбищ были приведены в непригодность для выпаса скота из-за их нерационального использования, а дефицит кормов по ряду провинций доходил до 40-50 %), периодическими бескормицами и большим падежом скота (иногда до половины всего поголовья) в маловодные годы и суровые снежные зимы, недостатком водоемов в местах выпаса, частыми эпизоотиями, экстенсивными методами ведения скотоводческого хозяйства. Ухудшение снабжения животноводческой продукцией растущего населения Афганистана, прежде всего городского, вызывалось также переходом части кочевников-скотоводов на оседлость и переориентацией скотовладельцев на увеличение каракульского стада в ущерб мясошерстного. [99]

Республиканское правительство М.Дауда не сумело сколько-нибудь существенно изменить положение в аграрном секторе страны. Широко разрекламированный им «Закон о земельной реформе» фактически не был реализован, если не считать проведенную кадастровую перепись и распределение среди крестьян незначительных государственных земель.

Социально-экономическая отсталость дореволюционного Афганистана проявлялась и в промышленном производстве. Доля фабрично-заводской промышленности в ВВП отраслей материального производства составляла немногим более 10 %. К 1978 году в стране насчитывалось всего 336 фабрично-заводских предприятий, из которых 195 принадлежали государственному и смешанному капиталу и 141 – частному. Однако крупных промышленных предприятий с числом рабочих более 500 человек имелось лишь 15. В целом в промышленном производстве, включая и кустарное, было занято около 298 тыс. рабочих и служащих (численность фабрично-заводских рабочих на крупных предприятиях, видимо, не превышала 50-60 тыс. человек). Численность строительных рабочих составляла 67 тыс. человек. В основном промышленное производство было представлено предприятиями легкой (преимущественно текстильной) и пищевой промышленности, которые давали ежегодно более 60 % валовой продукции фабрично-заводской промышленности. Практически отсутствовали горнодобывающая, металлургическая и металлообрабатывающая отрасли промышленности. Крайне ограниченными были топливно-энергетические мощности страны. В 1976/77 году добыча каменного угля составила 160 тыс. т, то есть чуть более 90 кг на душу населения, что являлось одним из самых низких показателей в мире. Имевшиеся в стране свыше 100 электростанций (из них только шесть имели мощность более 20 мВт и располагали примерно 76 % всех генерирующих мощностей в стране) произвели в 1977/78 году 776 млн. кВт-ч электроэнергии, то есть всего 44,5 кВт-ч на душу населения. Большая ее часть (55 %) потреблялась в Кабуле. Сельские населенные пункты в своем подавляющем большинстве не были электрифицированы. Ввиду отсутствия собственной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности (примеч.: добыча сырой нефти в Афганистане в 1977/78 году составила лишь 13 тыс. т) страна вынуждена была ежегодно импортировать нефтепродукты на сумму до 40 млн. долларов. По афганским данным, национальная промышленность обеспечивала потребности внутреннего рынка примерно на 20 %. [100]

В Афганистане продолжала остро стоять проблема занятости. По официальным афганским данным, в 1978 году из 8 млн. 35 тыс. человек самодельного населения (без учета кочевников) только 3 млн. 546 тыс., или 43,8 %, были полностью или частично заняты в различных сферах деятельности (для сравнения: в 1971/72 году занятое население страны составляло около 60 %). Численность безработных в 1977 году среди городского населения доходила до 343 тыс. человек. 100 тыс. афганцев вынуждены были искать работу в соседних странах. Правительство М.Дауда, понимая необходимость решения проблемы занятости в стране, ставило задачу в ходе осуществления своего семилетнего плана создать дополнительно 830 тыс. рабочих мест. Однако данные намерения (если бы даже и были осуществлены) не могли кардинально повлиять на смягчение указанной проблемы, поскольку за этот же период самодельное население должно было увеличиться не менее чем на 1,5 млн. человек. [101]

М.Дауд, всегда отдававший прежде приоритеты решению экономических проблем в стране и являвшийся в период монархии автором и организатором осуществления концепции «руководимой экономики», значительно продвинувшей Афганистан по пути прогресса, не был бы, конечно, Даудом, если бы на новом, республиканском этапе своей государственной деятельности не предпринял шагов по оздоровлению положения в сфере промышленности, торговли и финансов. О его внимании к этой сфере свидетельствуют десятки принятых правительством законов, положений и программ (среди них, например, Закон об иностранных и местных капиталовложениях (июнь 1974 г.), Программа развития торговли и Положение о торговой деятельности (март 1974 г.), Закон о торгово-промышленных палатах (1974 г.), Закон о денежном обращении и банковском деле (май 1975 г.), Закон о таможах Афганистана (январь 1975 г.), а также создание Высшего экономического совета (12 декабря 1973 г.), Банка развития экспорта (1976 г.), Банка промышленного развития (июль 1977 г.) и, наконец, разработка и принятие семилетнего плана экономического и социального развития Афганистана (март 1976-март 1983 г.).

Проводимая правительством политика поощрения частного предпринимательства в сфере легкой пищевой промышленности (освобождение от таможенных пошлин на ввоз машин и оборудования, от подоходного налога в течение первых 4-6 лет и др.), протекционистские меры по защите национального капитала, льготный характер кредитования по линии Банка промышленного развития, – все это принесло свои плоды. Только за три года (1974-1977 гг.) темпы роста частного предпринимательства в стране возросли в 10 раз, а продукция частного сектора фабрично-заводской промышленности за пятилетие (1973/74-1978/79 г.) увеличилась на 76,7 %. [102] На 1,5 млрд. афгани, то есть на 36,6 %, выросли в 1977/78 году, по сравнению с предыдущим годом, частные капиталовложения в развитие экономики, что свидетельствовало о доверии национального капитала к режиму М.Дауда. В последнем году перед революцией определенные успехи были достигнуты и в других сферах. Так, валовый национальный продукт возрос на 4,6 % (в основном за счет кустарно-ремесленного производства и частного сектора), национальный доход – на 4,3, объем производства промышленной продукции – на 4, объем продукции сельского хозяйства – на 5,8 и внешнеторговый оборот – на 7,6 %. Однако, следует заметить, республиканскому правительству не удалось существенно улучшить деятельность предприятий госсектора, удельный вес которого в валовой продукции афганской промышленности составлял около 36 %. Причинами их плохой работы по-прежнему оставались хроническая недогрузка производственных мощностей, частые простои, коррупция, хищения и другие злоупотребления государственных служащих. Первые два года осуществления семилетнего плана обнаружили нереальность правительственных расчетов и установок. Несмотря на значительную иностранную помощь, из 34,2 млрд. афгани запланированных капиталовложений ввиду нехватки средств в местной валюте было освоено лишь 17,7 млрд., то есть 51,75 %. [103]

Заметно улучшилось валютное положение Афганистана. За четыре года республиканского режима (конец декабря 1973 – сентябрь 1977 г.) золотые и валютные резервы страны увеличились с 61 млн. долларов до 241,1 млн., или почти в 4 раза. [104] Тем не менее даже такое увеличение валютных поступлений не могло покрыть и трети внешней задолженности страны, составлявшей в 1977 году 760 млн. долларов. Определенные положительные изменения отмечались и во внешнеторговом балансе. Все годы республиканского режима внешняя торговля сохраняла тенденции к росту экспортной выручки, достигшей в 1977/78 году 314,4 млн. долларов, по сравнению со 117,4 млн. в 1972/73 году. В 1976/77 году экспорт превысил коммерческий импорт на 30,4 млн. долларов, а платежный баланс был сведен с положительным сальдо в размере 42,4 млн. долларов. Все это содействовало сохранению стабильности национальной валюты Афганистана на уровне 45 афгани по официальному курсу за один доллар США. Свободный же курс Ды Афганистан банка даже повысился с 83 афгани в конце 1970 года до 38 афгани за один доллар в начале 1979 года. [105] Улучшение валютного положения страны, как правильно указывал американский автор Л.Дюпре, было связано с несколькими факторами, среди которых можно выделить рост в эти годы объема и качества экспортных товаров, уменьшение затрат на импорт дорогостоящих товаров, отсрочку Советским Союзом платежей по долгам до 1980 года, покрытие основной массы расходов по программам развития Афганистана за счет иностранной помощи и увеличение поступлений в страну валюты, заработанной афганскими мигрантами в Иране и странах Персидского залива. [106] К этому следует добавить и правительственные меры по реорганизации банковского дела, как-то: национализацию частного Афганского национального банка, занимавшегося экспортно-импортными операциями, создание новых специализированных банков, в том числе Банка развития экспорта, и принятие Закона о денежном обращении и банковском деле, который нанес удар по черному валютному рынку и значительно ограничил возможности владельцев валюты переводить ее в иностранные банки.

Достигнутые положительные изменения в валютной сфере ни в коей мере не являлись свидетельством полного благополучия в финансовом положении страны. Афганский государственный бюджет оставался хронически дефицитным. На 1977/78 год он был утвержден (в млн. афгани) по расходам в размере 32 732 и по доходам – 30 433, то есть с превышением расходов над доходами – в 2299 (сравните: в первый год республиканского режима расходы превысили доходы лишь на 790 млн. афгани). При этом предполагалось 49,5 % бюджетных поступлений в указанном году обеспечить за счет иностранной помощи (займов, субсидий и поступлений от реализации потребительских товаров, полученных в счет внешней помощи). Другими словами, страна по-прежнему жила в долг, что неизбежно увеличивало ее иностранную задолженность. Большая часть бюджетного дефицита покрывалась через займы у Ды Афганистан банка. За четыре года – 1973/74–начало 1978 года – задолженность правительства указанному банку увеличилась с 11 млрд. 877,6 млн. афгани до 14 млрд. 659,2 млн., или на 23,4 %. Дефицитное финансирование в конечном итоге вело к увеличению в обращении денежной массы (денежная эмиссия в 1977/78 году составила 3,7 млрд. афгани), росту инфляции и, как ее следствие, повышению цен на товары первой необходимости. По официальным данным, денежная масса в обращении выросла за указанный период более чем в два раза, а цены – примерно в полтора раза. Чтобы пополнить казну и уменьшить дефицит бюджета, правительство М.Дауда, не надеясь получить прямые налоги при существовавшей тогда несовершенной системе их взимания и оберегая интересы состоятельной верхушки общества, пошло на нарушение своего обещания, данного им в «Обращении к афганскому народу», – повысило косвенные налоги. В 1977 году они составили 45 % всех внутренних доходов (для сравнения: в 1971/72 году они достигали 41,4 %), что еще больше ухудшило и без того тяжелое положение социальных низов. [107] Не принесли ожидаемых результатов попытки правительства увеличить доходы в казну со 100 млн. до 1 млрд. афгани путем введения новых ставок земельного налога. По Закону о прогрессивном поземельном налоге, принятом в июле 1976 года, предусматривалось обеспечить данное увеличение доходов за счет крупных землевладельцев. Однако, как и прежде, реализации указанного Закона помешали саботаж крупных земельных собственников и их ставленников в госаппарате, а также нищета подавляющего большинства налогоплательщиков – мелких землевладельцев. Фактическое поступление в бюджет по земельному налогу в 1977 году составило всего лишь 160 млн. афгани, то есть около 2,5 % от общих налоговых поступлений (для сравнения: в конце 60-х годов земельный налог давал в казну около 80 млн. афгани, или 3,4 % общей суммы налогов). В том же году огромной суммы – более 1,5 млрд. афгани – достигла общая недоимка по налогам с частных компаний и предприятий госсектора, что заметно отразилось на доходной части бюджета. [108]

В условиях острой нехватки материальных и финансовых средств правительство М.Дауда не смогло не только выполнить, но даже и приступить к реализации многих социальных программ, декларированных в «Обращении к афганскому народу». Остались на бумаге такие обещания, как строительство жилья для бездомных и нуждающихся, широкомасштабные меры по защите здоровья граждан, упорядочение налоговой системы в интересах трудящихся, установление заработной платы в соответствии с материальными и духовными нуждами и потребностями людей, введение социального страхования для рабочих, ликвидация неграмотности, борьба со спекуляцией, перевод кочевников на оседлость и т.д.

Режим М.Дауда не внес особых изменений и в социальную структуру власти. После изгнания из государственного аппарата левых и демократов он был заполнен представителями тех слоев и социальных групп, которые при монархии составляли ее опору. Не изменились и качественные характеристики госаппарата сверху донизу. В нем по-прежнему процветали бюрократизм, казнокрадство, взяточничество, коррупция, nepotизм и клановость. Продвижение по службе в органах власти зависело не от опыта и способностей, а от семейных связей и протекции. На высших должностных постах преобладали выходцы из клана мухаммадаев, к которому принадлежал сам М.Дауд.

Накануне апрельского вооруженного восстания в фокусе внутривнутриполитической борьбы в Афганистане оказалась и внешняя политика режима. Правительство М.Дауда, строя и развивая свои связи с внешним миром, стремилось, как и прежние кабинеты, извлечь из этих связей максимум выгоды для экономическо-

го развития страны. Оно хорошо понимало, что республика при ее ограниченных возможностях внутренних накоплений и общей отсталости не может обойтись без широкой иностранной финансовой и технико-экономической помощи. С этих же позиций рассматривалась и проблема нормализации отношений с западным и восточным соседями – Ираном и Пакистаном, а также с другими странами региона.

Режим М.Дауда не проявлял желания закрывать двери Афганистана перед СССР в сфере политических отношений, взаимной торговли и технико-экономического сотрудничества. Свой первый визит в Москву в качестве главы государства М.Дауд совершил 4-7 июня 1974 года. В ходе его советская сторона, учитывая тяжелое финансовое положение республики и идя навстречу просьбам афганского руководства, отсрочила на 10 лет выплаты по кредиту на сумму 100 млн. долларов и, кроме того, обещала предоставить на цели развития экономики Афганистана еще 428 млн. долларов. [109] Другая отсрочка выплаты по советским кредитам и займам была предоставлена этой стране в 1977 году. В феврале 1975 года состоялось подписание соглашения о развитии экономического и технического сотрудничества между двумя странами. Оно предусматривало содействие Советского Союза в строительстве ирригационных сооружений на севере Афганистана, газопромысла Джаркудук, второго завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе, предприятий легкой, пищевой и обрабатывающей промышленности, моста через Амударью и ряда других объектов.

В декабре 1975 года ответный визит в Кабул нанес председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.Подгорный. Стороны продлили на очередной 10-летний период срок действия советско-афганского Договора о нейтралитете и взаимном ненападении. Второй раз (уже в качестве президента страны) М.Дауд посетил Москву с 12 по 15 апреля 1977 года. На сей раз был подписан сроком на 12 лет Договор о развитии экономического сотрудничества между СССР и Республикой Афганистан, по которому намечалось содействие советской стороны в развитии афганской газовой, нефтяной, нефтехимической и химической промышленности, сельского хозяйства, проведении геологоразведочных работ на нефть, газ и твердые полезные ископаемые, строительстве энергетических сооружений, развитии транспорта и связи, подготовке национальных кадров и пр. К концу 1977 года в Афганистане при советской экономической и технической помощи строилось или было намечено к строительству 45 объектов (следует отметить, что к данному времени при содействии СССР в Афганистане уже было введено в строй 70 важных объектов, дававших более 60 % всей промышленной продукции в государственном секторе). [110]

Успешно развивалась и советско-афганская торговля. Ее объем вырос с 68,9 млн. руб. в 1972 году до 154 млн. руб. в 1976 году. Новые возможности в торговле открыл протокол о товарообороте между СССР и Республикой Афганистан на 1977 год. В нем предусматривалось увеличить товарооборот между двумя странами более чем на 15 %. В целом советский экспорт в Афганистан увеличился с 1975 по 1978 год почти на 68 %, импорт – на 20 %. [111] В структуре советского экспорта в Афганистан основное место занимали машины и промышленное оборудование, нефтепродукты, металлопрокат, пшеница и сахар, а в импорте из Афганистана – природный газ, хлопок, шерсть, сухие и свежие фрукты. Продолжали развиваться советско-афганские связи и в других областях: транспорта, здравоохранения, подготовки национальных кадров, культуры.

Как известно, во второй половине XX в. определенным индикатором отношений между СССР и Афганистаном являлось их сотрудничество в военной области. В 1973-1978 годах оно оставалось в целом традиционно устойчивым, а по поставкам советской боевой техники и вооружения имело тенденцию к увеличению. В указанные годы Афганистан получил новые типы вооружения: самолеты МиГ-21, танки Т-62, боевые машины пехоты (БМП), артиллерийские комплексы и др. Только в 1977 году военные поставки в Афганистан составили 127 млн. долларов. [112] Однако в рассматриваемый период в военной политике правительства М.Дауда появился новый элемент: стремление отойти от односторонней ориентации на СССР и страны социализма в области подготовки своих армейских кадров и найти для этого другие, менее идеологизированные источники, в частности в лице Индии, Египта и Пакистана, что вызвало неадекватную реакцию как внутри страны, так и в советских руководящих кругах.

Примерно через год после установления в Афганистане республиканского строя его руководители начали активно расширять контакты и сотрудничество со странами региона и Запада. С середины 1974 года Афганистан вел интенсивные переговоры с Ираном, Саудовской Аравией, Кувейтом, Ираком, ОАЭ и другими нефтедобывающими мусульманскими странами. Особое значение придавалось углублению связей с соседним Ираном. М.Дауд, желая снять единственную проблему, долгое время отягощавшую афгано-иранские отношения, заявил об одобрении соглашения о распределении вод р.Гильменд, подписанного еще 13 марта 1973 года его предшественником, премьером Мусой Шафиком. Этот жест Кабула был по достоинству оценен в Тегеране. 22 октября 1974 года Иран предоставил Афганистану 10 млн. долларов для разработки ряда экономических проектов, в том числе и строительства железной дороги, а некоторое время спустя обещал предоставить в течение 10 лет (с 1974 по 1984 г.) 2 млрд. долларов на реализацию данных проектов. Из этой суммы 1,7 млрд. долларов предназначались для строительства железных дорог общей протяженностью 1810 км от Исламкана через Герат, Кандагар до Спинбудака с ответвлениями: Лашкаргах – афгано-иранская граница и Кандагар-Кабул. В апреле 1975 года М.Дауд, будучи с официальным визитом в Тегеране, получил от шаха обещание предоставить Афганистану на выгодных условиях кредит в размере 400 млн. долларов на строительство предприятий легкой промышленности, коммуникаций и ряда объектов в Гильмендской долине. [113]

В целом обещанные Ираном огромные суммы кредитов и займов были весьма впечатляющими. По оценкам американского ученого-афганиста Л.Дюпре, они превышали всю иностранную помощь, предоставленную Афганистану за предшествовавшие 30 лет. [114] Однако, надо признать, иранский шах, с помпой обещая этой стране сотни миллионов и миллиарды долларов, явно блефовал ради достижения своих корыстных замыслов – превращения Ирана в доминирующую военную и политическую силу в регионе.

Дело в том, что с середины 70-х годов Иран уже не располагал такими суммами из-за сокращения доходов от экспорта нефти и более того сам остро нуждался в иностранных кредитах.

Следует подчеркнуть, что обещанная М.Дауду помощь объяснялась, в конце концов, не меркантилизмом и тем более не каким-то альтруизмом иранского шаха (как, впрочем, и нефтяных королей стран Персидского залива и правителей Запада). За ней стояли вполне прозаические расчеты, диктуемые стратегией антикоммунизма и стремлением включить Афганистан в орбиту своих геополитических интересов. М.Дауд, естественно, понимал, какую опасность для суверенитета страны таит в себе иранский экономический капкан. В связи с этим он стремился во внешней политике обеспечить определенную «равноудаленность» от своих зарубежных партнеров-доноров как неременное условие сохранения независимости Афганистана. Действуя по давно испытанному принципу одновременно «доить нескольких коров» к своей экономической выгоде, правительство М.Дауда развивало активно, наряду с Ираном, отношения и с другими странами региона, Востока и Запада. Только в течение 1974 года специальный представитель М.Дауда – его брат М.Наим посетил Индию, Ирак, Ливийскую Арабскую Республику, АНДР, АРЕ, Саудовскую Аравию, Бахрейн, а также Китай, Францию и Японию. М.Дауд в 1974-1978 годах совершил поездки, кроме СССР, Пакистана и Ирана, в Индию, Бангладеш, Ирак, Саудовскую Аравию (дважды), Египет, Кувейт, Ливию и Югославию. В результате этих и других поездок и переговоров афганских политических деятелей были подписаны соглашения о предоставлении Афганистану Ираком кредита в 10 млн. долл. и безвозмездной помощи в 2 млн. долл., Саудовской Аравией – беспроцентного кредита в 55 млн. долл. и в качестве дара 10 млн. долл. В соответствии с подписанным в 1974 году протоколом о сотрудничестве в области нефтяной промышленности Ирак обязался помочь в подготовке афганских кадров и проведении «совместных исследований по проблемам нефти». Кувейт обещал оказать содействие в расширении экспорта афганской продукции (свежих и сухих фруктов) в район Персидского залива и предоставить финансовую помощь в размере до 50 млн. долл. Китай предоставил Афганистану заем в сумме 55 млн. долл. Была достигнута также договоренность о подготовке афганских офицеров в Индии и Египте. [115]

При республиканском режиме М.Дауда наметились некоторые сдвиги во внешней политике Афганистана и на американском направлении. В 1974 и 1976 годах Кабул дважды посетил госсекретарь США Г.Киссинджер. Состоялось подписание соглашения о завершении строительства ГЭС Каджаки. Сенсацией стали приезд в афганскую столицу в феврале 1978 года командующего флотом США в зоне Тихого океана адмирала Мориса Визнера и его встреча с М.Даудом. На сентябрь 1978 года планировался визит последнего в США. Предполагалось, что в ходе его США объявят об увеличении Афганистану помощи на долгосрочной основе. [116]

В целом накануне апрельского вооруженного восстания вся иностранная помощь Афганистану оценивалась в 2 млрд. 971 млн. долларов, в том числе помощь социалистических стран – 1 млрд. 574 млн. долларов, или 53 % от всей указанной помощи. [117]

Особое значение для Афганистана в рассматриваемый период приобрела проблема нормализации отношений с его восточным соседом – Пакистаном. До середины 1976 года они оставались не просто холодными, а достаточно напряженными, угрожавшими, по признанию пакистанского премьер-министра З.А.Бхутто, перерасти в вооруженный конфликт между двумя странами. [118] Пакистанские власти энергично готовили и подталкивали к выступлению мятежные антидаудовские силы, а летом 1975 года, как уже говорилось, поддержали их восстание в Панджшерской долине и других районах Афганистана. Не оставался в долгу и М.Дауд. Он предоставил политическое убежище в Кабуле лидерам пуштунского и белуджского движений за автономию, оказал им материальную, финансовую и военную помощь и всячески побуждал их на активные действия против пакистанского режима. Начало нормализации отношений между двумя странами положили визит в Кабул в июне 1976 года З.А.Бхутто, а затем состоявшиеся в августе в Исламабаде переговоры с ним афганского лидера. В качестве платы за мир и добрососедство стороны пошли на взаимные уступки. З.А.Бхутто заявил о своей готовности освободить из заключения арестованных лидеров Национальной народной партии, а М.Дауд, в свою очередь, согласился признать линию Дюранда государственной границей между двумя странами. [119] Данная уступка Дауда означала по существу его отречение от пуштунской проблемы, бывшей в течение второй половины XX в. постоянным яблоком раздора в афгано-пакистанских отношениях. Указанные договоренности были подтверждены во время последующих визитов: главы пакистанской военной администрации генерала Зия-уль-Хака в Кабул в октябре 1977 и М.Дауда в Исламабад в марте 1978 года.

Что же заставило М.Дауда пойти на такие коррективы внешнеполитического курса страны, включая и пуштунской проблемы – этой крайне болезненной для каждого афганца национальной проблемы? Прежде всего они (эти коррективы) вызывались чрезвычайным неблагополучием в экономике страны и необходимостью получения более широкой иностранной помощи для финансирования и материально-технического обеспечения наметок по семилетнему плану. При этом существенную роль сыграло и давление на М.Дауда тех сил в его окружении, которые давно тяготились прежней, преимущественно односторонней ориентацией на социалистические страны в вопросах получения иностранной помощи и считали, что такое положение ограничивает для Афганистана свободу внешнеполитического маневра. Да и сам М.Дауд, как искушенный политик, отчетливо понимал, что Афганистан не может успешно развиваться при сохранении противостояния с соседями и самоизоляции от стран развитого Запада. Он опасался перспективы оказаться в результате односторонней ориентации зависимым от какой-либо сверхдержавы. На изменение внешнеполитического курса республиканского режима повлияли также политические перемены в соседних с Афганистаном странах. Как известно, в 1977 году в Индии в результате парламентских выборов правительство И.Ганди ушло в отставку и к власти пришла Джаната парти – конгломерат из пяти партий, представленных в основном правыми, консервативными силами. Новое правительство Индии выступило с заявлением о начале «нового этапа» в индо-американских отношениях. В этом же году в Пакистане произошел военный переворот во главе с генералом Зия-уль-Хаком. Военный режим провозгласил основой

своего внешнеполитического курса всестороннее сотрудничество с США. Если сюда еще добавить многолетнюю проамериканскую ориентацию шахского Ирана и консервативных арабских режимов Персидского залива, то становится очевидным, что М.Дауд в таком геополитическом окружении просто не мог не учитывать этот региональный фактор и не пойти на расширение связей с Западом и прежде всего с США. Сказалось и непрекращавшееся давление Запада, стремившегося в годы идеологической конфронтации двух систем вовлечь Афганистан в орбиту своей антисоветской политики.

Смена ориентиров во внешней политике страны была встречена афганской политизированной общественностью крайне неоднозначно: одни – всегда существовавшие в элитарных кругах Афганистана прозападное и проарабско-мусульманское лобби – приветствовали и поддерживали (правда, каждое по-своему) новшества во внешнеполитическом курсе правительства М.Дауда, другие – левые демократы и пуштунские национал-патриоты – резко осудили отход от традиционной формулы решения пуштунской проблемы и сближение с Западом, расценив все это как предательство национальных интересов Афганистана и зарубежных братьев-пуштунов, как сговор с империализмом.

Руководства Парчам еще в мае 1976 года, за месяц до визита З.А.Бхутто в Кабул, в специальном заявлении изложило свою позицию по проблемам Пуштунистана и Белуджистана. В нем подчеркивалось, что НДПА считает «священной и нерушимой справедливую борьбу народов Пуштунистана и Белуджистана за свое право на самоопределение». К правительству Пакистана были предъявлены требования прекратить вмешательство во внутренние дела Афганистана, освободить из тюрем всех прогрессивных национальных деятелей, в том числе Абдул Гаффар-хана, Абдул Вали-хана и Г.Б.Бизенджо, положить конец террору и репрессиям в Пуштунистане и Белуджистане и вывести отсюда свои войска, официально предоставить пакистанским пуштунам и белуджам право на самоопределение. [120] Такой же позиции относительно решения пуштунской проблемы придерживались и халькисты, [121] а также широкие круги демократически и патриотически настроенной афганской общественности.

На этом фоне попытка М.Дауда сделать пуштунскую проблему разменной монетой на переговорах о нормализации афгано-пакистанских отношений оказалась для него роковой. Можно без преувеличения сказать, что этим своим опрометчивым шагом, предпринятым вопреки утвердившемуся общественному мнению, он лишил себя широкой национальной опоры и буквально в один миг утратил прежний ореол борца за права пуштунов по обе стороны линии Дюранда.

Учитывая сложившуюся в стране ситуацию, Н.М.Тараки имел основания заявить в приветственном послании, направленном 27 февраля 1978 года XI съезду Компартии Индии: «...республиканский режим, в котором преобладают правые элементы, являясь на словах прогрессивным, на деле проводит антидемократическую политику... Он отнял у народа демократические права и политические свободы и воздвигает препятствия на пути экономического и социального прогресса страны, на пути открытой и легальной деятельности нашей партии». Оценивая истоки и направленность внутренней и внешней политики режима, Н.М.Тараки писал далее: «...все черные правозэкстремистские силы (известные как «братья-мусульмане») и левые экстремисты (маоисты) с помощью и при подстрекательстве региональной реакции (милитаристского и профашистского режима Ирана и реакционных кругов Пакистана), арабской реакции и империализма во главе с США и маоистского руководства Пекина, в союзе с правыми элементами в правительстве Афганистана привели к власти террористический и деспотический режим (подчеркнуто мною. – М.С.), полностью зависимый от империализма, придерживающийся политики, направленной на раскол своего народа, против мира и суверенитета нашей страны, проводящий внутри нее и в регионе антисоветскую и антикоммунистическую политику, подавляющий патриотические и революционные силы, особенно нашу партию». [122]

Конечно, оценки Н.М.Тараки несут на себе печать господствовавшей тогда в мире идеологической конфронтации двух систем. Тем не менее им было верно подмечено, что внутри страны в то время возникла и углублялась кризисная ситуация, а извне Афганистан подвергался массивному давлению со стороны тех сил, которых не устраивал его прежний внешнеполитический курс.

Проявлениями кризиса в афганском обществе и стране явились усилившиеся репрессии властей против левой оппозиции, а также участившиеся террористические акты реакции против демократических элементов. Ставка режима на насильственные методы подавления оппозиции отчетливо проявилась в содержании Закона о наказаниях, принятого в сентябре 1976 года. [123] На его основе в декабре 1977 года была арестована большая группа членов и сторонников НДПА. В ноябре 1977 года в центре Кабула был убит министр планирования Али Ахмад Хоррам, один из немногих прогрессивных деятелей, кто еще оставался в правительстве М.Дауда. Его убийцей оказался некто Марзан – член одной из афганских фундаменталистских группировок, окопавшихся в Пакистане, что было подтверждено в феврале 1978 года на суде над ним и 27 соучастниками убийства (шесть из них, включая Марзана, были повешены). [124] В марте 1978 года было совершено убийство двух известных функционеров НДПА Дин Мухаммада и д-ра Нияз Мухаммада.

Кульминацией противоборства различных политических сил в афганском обществе и нарастающего антагонизма между властями и левой оппозицией стало убийство в Кабуле 17 апреля 1978 года Мир Акбара Хайбара, члена ЦК НДПА, профессионального революционера, пользовавшегося большой популярностью и симпатией в среде военных, рабочих, государственных служащих, студенчества и интеллигенции столицы. Это убийство, при всей его загадочности, носило явно политический характер. [125] Оно потрясло прогрессивную общественность и вызвало взрыв негодования среди широких слоев населения столицы. Состоявшиеся 19 апреля похороны М.А.Хайбара, в которых приняли участие до 30 тысяч человек (в некоторых изданиях НДПА называлась явно преувеличенная цифра – «около 100 тысяч» [126]), превратились во внушительное выступление левых и демократических сил, подобных которому Кабул не знал после 1965 и 1971 годов. Во главе колонны шли руководители НДПА Н.М.Тараки и Б.Кармаль. Выступая на

кладбище с речью, они подчеркнули выдающуюся роль М.А.Хайбара в идейном воспитании партийных кадров и борьбе против социального гнета и деспотии. По призыву ЦК НДПА демонстрации и митинги продолжались два дня. Их участники несли красные флаги, антиамериканские лозунги и плакаты «Долой произвол!», «Да здравствует демократия!», «Мир Акбар Хайбар пал смертью героя за дело хальк!» и др., произносили горячие речи, читали стихи, в которых критиковали правительство М.Дауда и требовали от него выполнения данных после переворота 1973 года обещаний по коренному переустройству общества, а также принятия решительных мер против реакции.

Данное массовое выступление демократически настроенной столичной общественности, явившееся непосредственным прологом к вооруженному восстанию армейских частей, со всей очевидностью обнарузило глубокое недовольство режимом и вместе с тем продемонстрировало авторитет и влияние Народно-демократической партии Афганистана, выступившей по существу в качестве передового, наиболее активного отряда оппозиционных сил.

Даудовский режим, напуганный показанной на улицах столицы сплоченностью левых и демократических сил, поспешил объявить их демонстрации и выдвинутые ими требования «противозаконными и антиконституционными». Ради спасения своей власти он принял решение обезглавить руководство НДПА и физически расправиться с прогрессивной оппозицией в стране и армии. 26 апреля 1978 года в первом часу ночи полиция по приказу М.Дауда арестовала генерального секретаря ЦК НДПА Н.М.Тараки, секретаря ЦК Б.Кармаля, а также членов ЦК Г.Д.Панджшери, А.Х.Шараи Джаузджани, А.Ратебзад, д-ра Шах Вали и Незамуддина Тахзиба. Одновременно начались аресты и розыски государственных служащих – гражданских и военных – и других лиц, известных своими оппозиционными взглядами. В списке лиц, подлежащих немедленному аресту, числилось более 500 человек. Вечером 26 апреля по столичному радио было передано правительственное сообщение, в котором арестованные бездоказательно обвинялись в совершении неких «уголовных преступлений». [127]

На принятии М.Даудом этого, как оказалось позже, рокового для его власти решения сказались и давление извне. В частности, в начале апреля, когда он находился с визитом в Египте, Саудовской Аравии и некоторых других странах региона, их лидеры настоятельно рекомендовали ему принять меры по нейтрализации НДПА. По свидетельству осведомленных источников, об этом же шла речь на конфиденциальной встрече М.Дауда с американским послом Т.Элиотом, состоявшейся в закрытом ресторане штаба Центрального корпуса 24 апреля, то есть за два дня до ареста руководителей НДПА (на данной встрече присутствовали также М.Наим, министр внутренних дел Абдул Кадир Нуристани и заместитель министра иностранных дел В.Абдулла). [128]

Апрельское вооруженное восстание 1978 г. Провозглашение Демократической Республики Афганистан

Арест руководителей НДПА и начавшаяся расправа над левой оппозицией не оставила для партии иного выбора, кроме как прибегнуть к вооруженному выступлению против правящего режима с помощью находившихся под ее контролем и влиянием армейских частей и подразделений. В сложившейся в конце апреля 1978 года внутриполитической ситуации в стране восстание верных НДПА военных было для нее актом отчаяния. Вместе с тем, следует признать, что еще до того, как М.Дауд начал аресты руководителей и активистов НДПА, ЦК партии предвидел вероятность такого развития событий и активно готовил партийцев и их сторонников в армии к действиям в условиях чрезвычайных обстоятельств. Поэтому, несмотря на всю неожиданность и трагизм происшедшего, военная организация НДПА в принципе была готова к выступлению. Нужен был лишь сигнал к этому от партийного центра. И он поступил от Х.Амина, оставшегося на свободе до 11 часов 26 апреля. Выступление было назначено на 9 часов утра следующего дня.

В записке, адресованной партийцам в армии, Х.Амин изложил в общих чертах план их действий и поручил 22 офицерам-халькистам взять в свои руки непосредственное командование соединениями, частями, подразделениями, штабами и рядом важных армейских объектов, дислоцированными как в столице, так и в провинциях. В том числе назначались: М.А.Ватанджар – командующим сухопутными войсками (см. о нем Приложение 6); Абдул Кадыр – командующим ВВС и ПВО; Мухаммад Али – командиром 7 пехотной дивизии; Алауддин – командиром 8 пехотной дивизии; Бахрам – командиром 11 пехотной дивизии; Мухаммад Дост – командиром 32 бригады; Шейх Ахмад – командиром 88 артиллерийской бригады; Шах Наваз – командиром 444 батальона «коммандос»; Ник Мухаммад – начальником военной полиции; Инзер Гуль – начальником штаба министерства обороны; Назар Мухаммад – командиром аэродрома Ходжа Раваш в Кабуле; Хашим – командиром Баграмского аэродрома и др. [129]

Через партийного связного майора С.М.Гулабзоя план действий восставших был незамедлительно доставлен ответственным офицерам-партийцам, в штаб ВВС и ПВО в Ходжа Раваше и 4 танковую бригаду. В течение дня 26 апреля функционеры партии (Факир Мухаммад Факир, Хийал Мухаммад Катавази, инженер Салех Мухаммад, инженер Зариф и др.) разъезжали по столице и ее окрестностям и передавали решение о начале восстания тем офицерам, которые были назначены командирами частей и подразделений, а также с помощью партийных связных в армии уведомляли персонально всех офицеров – членов НДПА, чтобы они в 8 часов утра 27 апреля явились ко вновь назначенным командирам для получения соответствующих инструкций. Следует заметить, что по соображениям конспирации члены партии в вооруженных силах, кроме узкого круга названных выше офицеров, вплоть до утра 27 апреля не знали о решении относительно вооруженного восстания и времени его начала.

План вооруженного восстания предусматривал:

объявление в 9 часов утра 27 апреля майором М.А.Ватанджаром в гарнизоне 4 танковой бригады (Пу-

ли-Чархи) решения НДПА о начале выступления;

захват танковыми подразделениями радиостанции «Радио Афганистана» и других ключевых объектов столицы и открытие огня по президентскому дворцу;

установление офицерами – членами НДПА – контроля над частями и подразделениями армии и недопущение использования их в интересах защиты режима М.Дауда;

блокирование 7 и 8 пехотных дивизий с помощью зенитных батарей, расположенных на высотах в Кабуле и вокруг него, в случае попыток указанных дивизий оказать поддержку М.Дауду;

захват аэродрома Ходжа Раваш и Баграмского военного аэродрома (в 60 км к северу от столицы) и приведение самолетов в готовность для боевых вылетов;

в случае необходимости, использование боевых самолетов для нанесения ударов с воздуха по продаудовским силам;

организацию передач радиостанции «Радио Афганистана» с целью информирования населения страны о восстании вооруженных сил.

В то время, когда подготовка к вооруженному восстанию вступила в завершающую стадию, М.Дауд, не подозревая о приближении рокового для него часа, спешил отпраздновать начатый им разгром левой оппозиции. На 27 апреля он назначил у себя в резиденции концерт с участием популярных артистов. Уже были отпечатаны пригласительные билеты. В свою очередь, министр национальной обороны Г.Х.Расули отдал приказ привести все части в состояние боевой готовности, а утром 27 апреля организовать в войсках митинги в поддержку режима М.Дауда и его действий по разгрому левых сил. Как это ни парадоксально, но проведение указанных митингов оказалось крайне благоприятным для организации вооруженного выступления армии: офицеры – члены НДПА – получили возможность свободно связаться друг с другом и согласовать все вопросы относительно порядка осуществления восстания, не опасаясь вызвать какие-либо подозрения со стороны приверженцев М.Дауда.

27 апреля в 6.30 утра мятежные офицеры встретились, как и было заранее обусловлено, вблизи Диламанга (район Кабула) и уточнили свои задачи, а затем на армейских автобусах, которые ежедневно развозили военнослужащих по воинским частям, отправились к месту своей службы.

Наступил решающий момент, определивший судьбу многих людей, судьбу всей страны на многие годы вперед. В 9 часов утра майор М.А.Ватанджар, командир батальона 4 танковой бригады, выступая перед своими боевыми товарищами в гарнизоне Пули-Чархи, объявил о начале антидаудовского вооруженного восстания. Затем, обманув бдительность командира бригады, он добился от последнего письменного разрешения получить со склада по шесть снарядов на каждый из 12 танков батальона якобы для того, чтобы, «если поступит приказ, выступить на защиту Арга» (Арг – крепость с комплексом дворцовых зданий и других построек в центре Кабула, служившая в течение нескольких веков резиденцией афганских монархов. После переворота 1973 года здесь располагалась резиденция М.Дауда. – М.С.). Как пишет Раджа Анвар, М.А.Ватанджар на самом деле получил снарядов в десять раз больше, добавив в накладной точку к цифре 6 (согласно принятой в языке дари системе цифр, точка означает ноль). [130]

Почти десять лет спустя, вспоминая этот исторически памятный день, М.А.Ватанджар говорил: «Трудно передать словами чувства, которые овладели мною утром 27 апреля, когда я говорил своим боевым соратникам о начале вооруженного восстания. Все мы внутренне были готовы выступить по указанию НДПА с оружием в руках против ненавистного режима. И, наконец, этот день настал... Наши сердца взволнованно бились от сознания исторической важности происходящего, разум говорил нам, что партия выдвинула нас на самое острое коренного перелома в истории отечества. Это сознание объединяло и сплачивало офицеров-партийцев, наполняло наши души решимостью и непоколебимой уверенностью в правоте революционного дела». [131]

Первым делом члены и сторонники партии приняли меры к нейтрализации продаудовски настроенных офицеров и без промедления приступили к подготовке танков и бронетранспортеров к выходу. В этот момент командир 15 танковой бригады генерал Мухаммад Юсуф попытка помешать выступлению революционно настроенных офицеров и унтер-офицеров. Однако его попытка провалилась и танковые бригады гарнизона Пули-Чархи оказались полностью в руках восставших. В 9.30 была выведена из строя линия связи между гарнизоном Пули-Чархи и министерством национальной обороны. Примерно в 11 часов 20 минут первый танк, имевший бортовой номер «815», под командованием М.А.Ватанджара вышел из расположения бригады и двинулся в направлении столицы. За ним последовал ударный отряд танкистов в составе девяти (по другим данным, двенадцати) танков. [132] К 11.45 они вошли в столицу и окружили президентский дворец. Одновременно боевые машины 15 танковой бригады устремились к кабульскому международному аэровокзалу.

Появление танков в центре города явилось полной неожиданностью для М.Дауда и его кабинета, который с 9 часов утра этого дня заседал в президентском дворце, обсуждая сложившуюся в стране ситуацию в связи с арестами руководящих деятелей НДПА. Многочисленная деталь: М.Дауд и большинство присутствовавших на заседании, еще не зная о начале восстания армейских частей, сошлись во мнении о необходимости применения смертной казни к арестованным и поставили свои подписи под соответствующим документом. [133]

Около 12 часов М.А.Ватанджар произвел из пушки танка «815» первый выстрел по зданию министерства национальной обороны, расположенному в нескольких десятках метров от президентского дворца, дав этим сигнал к штурму Арга. Разгорелся ожесточенный бой между восставшими танковыми подразделениями и силами, защищавшими прежний режим. Последние были довольно значительными. В Арге располагалась бригада президентской гвардии численностью 1800 человек, имевшая на вооружении, кроме стрелкового оружия, новейшие противотанковые средства, 24 танка Т-54 и располагавшая большим количеством боеприпасов. В ходе боя восставшие по телефону несколько раз предлагали командиру гвар-

дии прекратить сопротивление, а М.Дауду – уйти в отставку и передать власть военно-революционному совету. Но М.Дауд решительно отверг этот ультиматум, надеясь спасти положение с помощью оставшихся на его стороне бригады гвардии, нескольких подразделений жандармерии и полиции, батальона «коммандос», 32 бригады и ряда других частей. Когда начался обстрел президентского дворца, он обратился к своим министрам: «Если кто из вас желает спасти свою жизнь, может покинуть дворец». Однако министры предпочли остаться в Арге и укрыться в бывшей королевской мечети. Через тыльные ворота президентской резиденции удалось уйти лишь министрам национальной обороны и внутренних дел генерал-полковнику Г.Х.Расули и А.Кадиру Нуристани, намеревавшимся поднять на защиту режима верные ему войска. [134]

Первыми на помощь осажденному президентскому дворцу пришли жандармские подразделения. Однако когда они появились на площади Пуштунистана (примыкает к Аргу с юга), танкисты почти в упор выстрелами из пушек подбили четыре их машины и заставили остальных рассеяться. [135]

Сильное сопротивление восставшим оказал батальон «коммандос», дислоцировавшийся в крепости Балахисар. И все же к 17 часам танкистам 4 танковой бригады и офицерам – членам НДПА, находившимся внутри батальона, удалось блокировать его действия. Офицеры – сторонники М.Дауда – были убиты и командование данным подразделением взял в свои руки лейтенант Шах Наваз Танай. Подобный же драматический характер приобрело противостояние двух сторон и в 32 бригаде, где лишь к вечеру 27 апреля, после того, как был убит ее командир, верх взяли мятежные офицеры и в командование бригадой вступил член НДПА Мухаммад Дост.

В тот момент, когда разворачивался штурм президентского дворца, напряженная обстановка сложилась в штабе военно-воздушных сил в Ходжа Раваше. Здесь по приказу командующего ВВС и ПВО генерал-полковника Мухаммада Мусы был взят под стражу полковник Абдул Кадыр, руководитель действовавшей в ВВС и ПВО подпольной организации «Объединенный фронт коммунистов Афганистана» (ОФКА). [136] Драматизм ситуации заключался в том, что, согласно плану восстания, именно появление в 12 часов эскадрильи боевых самолетов на низких высотах в небе над Кабулом должно было послужить для танкистов сигналом к штурму Арга. Однако к назначенному времени они не появились. И лишь смелая инициатива М.А.Ватанджара, начавшего обстрел президентского дворца, предотвратила возможные растерянность и смятение в рядах восставших. Вслед за этим он направил два танка к штабу ВВС и ПВО, чтобы выяснить здесь обстановку и при необходимости оказать помощь своим соратникам. С помощью экипажей указанных танков и при активном участии офицеров – членов и сторонников НДПА и ОФКА – был установлен контроль над названным штабом и кабульским международным аэродромом. Генерал М.Муса был убит в ходе противостояния с восставшими офицерами. А.Кадыр, освобожденный из-под стражи, незамедлительно вылетел на вертолете в Баграм. Здесь еще с утра 27 апреля все было готово к захвату аэродрома. С прибытием А.Кадыра он перешел в руки восставших. Летчики получили приказ подвергнуть бомбардировке резиденцию М.Дауда и некоторые другие объекты. Около 16 часов по президентскому дворцу был нанесен первый бомбовый и ракетный удар авиации. С наступлением сумерек налеты на дворец продолжались. Одновременно в воздухе находилось до шести самолетов МиГ-21 или Су-7. [137]

Примерно в 16 часов 30 минут над Кабулом появились самолеты-бомбардировщики, [138] вылетевшие с военного аэродрома Шинданд (в 650 км к западу от Кабула) на помощь правительству М.Дауда. Однако оно было не в состоянии воспользоваться этой помощью, так как к указанному времени уже не располагало необходимыми техническими средствами связи с авиацией. Экипажи бомбардировщиков, будучи в полном неведении относительно происходившего на земле, связались с мятежным штабом ВВС и получили приказ возвратиться на свою базу. К тому же, если бы даже они и захотели помочь Дауду, то не смогли бы этого сделать по той простой причине, что запас горючего (с учетом возвращения обратно в Шинданд) не позволял им находиться в небе над Кабулом более десяти минут.

В центре города, кроме президентского дворца, было еще несколько очагов сопротивления продаудовских сил. Во второй половине дня восставшие, используя танки и бронетранспортеры, атаковали министерство внутренних дел, охранявшееся жандармскими подразделениями, и захватили его. Были также заняты муниципалитет и комплекс зданий кабульского провинциального и полицейского управлений. В ходе операции был убит командующий полицией даудовского режима генерал Тахер. Между 17.00 и 17.30 танковые подразделения заняли радиостанцию «Радио Афганистана», которая еще ранее, с 15 часов, прекратила передачу продаудовского содержания и транслировала лишь музыку и песни, в основном популярного в Афганистане Рави Шанкара. Занятие мятежными танками позиций вокруг радиостанции упредило возникновение еще одного очага боев. Дело в том, что сюда удалось пробиться одному пехотному подразделению из 8 пехотной дивизии под командованием далекого от политики майора Шамсуддина. Однако, встретив танки, майор трезво оценил бессмысленность попыток занять радиочастоту, как ему было предписано, и приказал своим солдатам вернуться в казармы, а сам отправился домой. [139]

С самого начала вооруженного восстания велись поиски арестованных руководителей Народно-демократической партии Афганистана. И лишь около 17.30 офицеру-халькисту Д.Таруну удалось, наконец, отыскать тюрьму, где они содержались. Это была тюрьма кабульского провинциального полицейского управления, расположенная в каких-то 200 метрах от Арга. Разрушив с помощью танков стену тюрьмы, танкисты освободили их и на бронетранспортерах доставили в здание «Радио Афганистана», ставшего с этого времени штабом восстания. Следует заметить, что Х.Амин и в момент освобождения, а затем в здании радиостанции не упускал случая язвительно уколоть и унижить достоинство Б.Кармалю и в оскорбительном тоне противопоставить ему свое мнение. Так, при выходе из тюрьмы на вопрос Б.Кармалю «Куда мы едем?» Х.Амин высокомерно бросил ему: «Тот, кто не хочет идти с нами, может оставаться в этой тюрьме». [140] Х.Амин по прибытии на радиостанцию открыто демонстрировал перед парчамистами, кто здесь является хозяином положения, автором и главным дирижером происходящего. На высказанное Б.Кармалем мнение о целесообразности в интересах безопасности перебраться руководству в кабульский

аэропорт Х.Амин с сарказмом ответил, что партийные лидеры обязаны находиться ближе к офицерам. [141] И лишь время от времени деликатное вмешательство Н.М.Тараки в какой-то мере умеряло агрессивный пыл его ученика.

Час спустя после прибытия лидеров НДПА в здание «Радио Афганистана» было подготовлено сообщение о победе революции. Неожиданно возник вопрос о том, кто же должен будет его зачитать. [142] Х.Амин настаивал на том, чтобы это сделал Н.М.Тараки, ибо, говорил он, халькистские офицеры, услышав голос своего вождя, с еще большим вдохновением и рвением поведут борьбу по подавлению последних очагов сопротивления правительственных войск. Б.Кармаль же полагал преждевременным выход генерального секретаря ЦК НДПА в прямой эфир, так как это, по его мнению, могло бы спровоцировать реакционные силы и в армии, и обществе к сплочению и выступлению против восставших. Он предложил, чтобы указанное сообщение зачитал А.Кадыр, хорошо известный в национальных кругах как лихой офицер-летчик, как активный участник переворота 1973 года. Тараки согласился с доводами Б.Кармаля и в порядке компромисса добавил, что честь выступить по радио, кроме А.Кадыра, должна быть предоставлена еще и М.А.Ватанджару.

Ровно в 19.00 по кабульскому времени страна и мир были оповещены о событиях, происшедших в Кабуле 27 апреля. От имени только что образованного Военно-революционного совета вооруженных сил [143] сообщение зачитали на языке дари полковник А.Кадыр, а на пушту – майор М.А.Ватанджар. Тексту данного сообщения предшествовала, как это обычно принято в исламском мире, формула «Во имя Бога милостивого и милосердного!» (кстати, эту формулу предложил использовать в передаче Б.Кармаль [144]). В нем говорилось:

«Дорогие соотечественники! Впервые в истории Афганистана покончено с последними остатками монархии, гнетом, тиранией и властью династии Надир-хана. Вся власть в стране перешла в руки афганского народа. Государственные функции целиком и полностью осуществляет Военно-революционный совет.

Дорогие соотечественники! Ваша народная власть, находящаяся в руках Революционного совета, доводит до сведения, что любой контрреволюционный элемент, который попытается уклониться от выполнения указаний и постановлений Революционного совета, будет незамедлительно передан в военно-революционные органы». [145]

После передачи в эфир приведенного выше сообщения Военно-революционного совета Н.М.Тараки, Б.Кармаль и другие руководители НДПА переехали в Ходжа Раваш, чтобы провести там ночь. Х.Амин, по распоряжению Н.М.Тараки, остался на «Радио Афганистана» для поддержания связи с восставшими войсками.

В 20 часов 10 минут от имени Военно-революционного совета по радио было передано обращение, адресованное войскам столицы и провинций. «Патриотические офицеры и солдаты! – говорилось в нем. – Где бы вы ни находились, сохраняйте революционный порядок и дисциплину. Каждого, кто выступит против национально-демократической революции и против интересов народа Афганистана, немедленно разоружайте». [146] Данное обращение было вызвано тем, что кое-где в столице продаудовские силы все еще продолжали сопротивляться, а некоторые части еще не определили своего отношения к происходящему и, сохраняя нейтралитет, выжидали.

Одновременно с описанными выше событиями в центре города и в районе аэродрома Ходжа Раваш разрозненные, но не менее ожесточенные стычки между противоборствующими сторонами имели место на северо-западной, западной и юго-западной окраинах столицы – в гарнизонах 7 и 8 пехотных дивизий, 88 артиллерийской бригаде и штабе Центрального корпуса, расположенном во дворце «Гадж Бек». Их выступление против восставших пытался организовать генерал-полковник Г.Х.Расули. Вначале он появился в 8 пехотной дивизии. Однако все его усилия оказались тщетными. Командир танкового батальона офицер-халькист Алауддин, другие члены и сторонники НДПА, прибегнув к оружию, не допустили выхода подразделений дивизии за пределы гарнизона. Существенную помощь в этом им оказала зенитная батарея под командованием офицера Карима, начавшая обстрел района дислокации дивизии с соседних высот. Борьба внутри 8 пд завершилась ее переходом на сторону восставших.

Г.Х.Расули, бежав из 8 пд, вместе с начальником Главного штаба генералом Абдул Азизом и начальником штаба Центрального корпуса Абдул Али укрылись в штабе Центрального корпуса и продолжали попытки поднять войска против мятежников. Примерно в 16 часов 45 минут указанный штаб был повергнут воздушной бомбардировке. Г.Х.Расули и названные выше лица вынуждены были покинуть его и направиться в Ришхор – гарнизон 7 пехотной дивизии. По пути следования их машина неожиданно столкнулась с колонной бронетехники из 4 танковой бригады, двигавшейся в направлении Ришхора для помощи своим сторонникам, и была расстреляна одним из танков. [147] Г.Х.Расули и все находившиеся с ним лица погибли.

Положение в 7 пд оставалось крайне сложным весь день 27 апреля. Ее командир генерал Назим попытался выступить в поддержку М.Дауда. Но как только подразделения дивизии двинулись в сторону Кабула, они тут же были обстреляны зенитными батареями с высот из районов Карги и Дар-уль-Амана. Во второй половине дня баграмские летчики блокировали с воздуха дорогу, ведущую из расположения 7 пд в сторону города. Все это еще больше усилило брожение среди личного состава дивизии и ужесточило стычки между противниками и защитниками даудовского режима. В ходе их погиб офицер – активист НДПА – Мухаммад Али, назначенный по плану восстания командиром 7 пд. Были сбиты также два самолета, принимавшие участие в блокировании данного гарнизона, однако летчикам удалось спастись. К концу дня сопротивление продаудовской части офицерства было сломлено и 7 пд капитулировала перед восставшими.

27 апреля сделала попытку выступить в защиту режима М.Дауда и 88 артиллерийская бригада, располагавшаяся в городке Махтаб-кала, на западной окраине Кабула. Однако после передачи по радио сооб-

щения о победе революции она перешла на сторону восставших и приняла участие в подавлении сопротивления 7 пд.

Еще вечером 27 апреля в руководстве НДПА возник вопрос о дальнейшей судьбе М.Дауда. Б.Кармаль настаивал на том, чтобы сохранить ему жизнь. С этим мнением, как пишет пакистанский автор Раджа Анвар, будто бы согласились и Тараки, и Амин. [148] Хотя из эзоповского языка официальной биографии Н.М.Тараки, изданной в 1978 году, следует, что такое согласие ими, похоже, не было высказано. [149] Из передач же кабульского радио того дня явствовало, что жаждавшие крови М.Дауда ультрареволуционно настроенные руководители НДПА из числа халькистов вынесли ему смертный приговор еще до захвата Арга. «Сардар Мухаммад Дауд, – говорилось в заявлении Военно-революционного совета вечером 27 апреля, когда он еще был жив, – этот последний из диктаторов королевской династии Надир-хана, этот беспрецедентный в истории демагог и предатель родины и нации уничтожен по воле народа Афганистана». [150]

Финал борьбы за президентский дворец, решивший судьбу М.Дауда и его окружения, наступил в ночь с 27 на 28 апреля. К рассвету 28 апреля совместными усилиями танкистов, летчиков и перешедших на их сторону «коммандос» было окончательно подавлено сопротивление президентской гвардии. К М.Дауду, при его согласии принять, была направлена группа парламентариев из числа «коммандос» во главе с лейтенантом Имамуддином. Прибыв во дворец Гульхана предположительно в 4 часа утра, он заявил М.Дауду, что политическая власть в стране перешла в руки народно-демократической партии и предложил последнему сдаться. М.Дауд разразился ругательствами, выхватил пистолет и выстрелил в офицера-парламентаря, ранив его. По некоторым свидетельствам, пытался стрелять и брат М.Дауда – М.Наим. Солдаты «коммандос», сопровождавшие Имамуддина, открыли ответный огонь. В завязавшейся перестрелке, кроме М.Дауда, были убиты 18 (по версии Л.Дюпре – 30) членов его семьи, включая пятерых детей и М.Наима, вице-президент С.Абдулла, министр внутренних дел А.Кадир Нуристани. [151] В ходе восстания был убит и заместитель министра иностранных дел В.Абдулла. [152]

После взятия президентского дворца вооруженное восстание в столице одержало полную победу. Что касается армейских соединений и частей, дислоцированных в провинциях, то они непосредственного участия в вооруженном выступлении не принимали. Здесь активисты НДПА, как военные, так и гражданские, сразу же после получения известий о победе восстания в Кабуле стали, пользуясь смятением и растерянностью местного руководства, брать власть в свои руки. Вскоре под контроль радикально настроенных офицеров перешли гарнизоны Кандагара, Пактии, Джалалабада, Герата, Газни, Нахрина, военные аэродромы Шинданда, Мазари-Шарифа и др.

Следует подчеркнуть, что восставшие с начала и до конца своей акции действовали наступательно, организованно, с исключительным мужеством, решительностью и глубокой убежденностью в правоте и справедливости предпринятого ими военного выступления. Кроме всего прочего, они хорошо понимали, что, выступив с оружием в руках против режима М.Дауда и нарушив этим данную ими военную присягу, они не оставили для себя ни единого шанса на жизнь в случае поражения. Поэтому осознание ими всей отчаянности своего положения удесстеряло их силы. Всего этого нельзя было сказать о приверженцах М.Дауда. Более того, высшее армейское командование во главе с генералом Г.Х.Расули уже с утра 27 апреля потеряло управление войсками и оказалось бессильным противопоставить восставшим что-либо существенное, кроме гвардии и некоторых других разрозненных подразделений. Инициатива действий была полностью на стороне противников режима. Успеху восстания благоприятствовало и то, что спецслужбам М.Дауда не удалось накануне апреля 1978 года напасть на след тайных антиправительственных организаций в армии и изолировать кого-либо из их руководителей и активистов. По западным данным, с обеих сторон в вооруженных столкновениях в столице участвовало до 5 тысяч человек. Восставшие только при штурме президентского дворца использовали до 50 танков и большую часть из 20 самолетов, совершавших налеты на различные объекты в Кабуле. [153] Решающую роль в успехе восстания сыграли танкисты и летчики.

В связи со сказанным выше представляются ошибочными, не соответствующими истине утверждения швейцарских политологов П.Аллана и Д.Клея о том, что-де в апрельском военном путче «решающую роль играла не НДПА, а Объединенный коммунистический фронт Афганистана во главе с Абдул Кадиром», что «разложение армии явилось заслугой прежде всего Фронта, а не НДПА с ее фракциями», что «около 12 дня в воздух поднялись многочисленные самолеты и принялись облетать город и президентский дворец», что якобы «Кадыр возглавлял Революционный совет» и т.д. и т.п. [154] При этом указанные авторы ссылаются на К.М.Цаголова, называя его «одним из ведущих советских специалистов по Афганистану», которым он, впрочем, не являлся (тем более «ведущим») ни до и ни после афганской революции. Еще раз повторимся, ОФКА сыграла свою роль в апрельском вооруженном восстании армии, однако не была единственной «решающей» силой. Как свидетельствуют факты и очевидцы, офицеры-авиаторы (члены ОФКА) подключились к восстанию лишь во второй половине дня 27 апреля, когда в сражениях вокруг президентского дворца и в других местах перевес в пользу восставших уже был налицо.

Несмотря на ожесточенный характер борьбы в столице, победа в восстании была достигнута сравнительно малыми жертвами. По официальным данным, потери среди афганских военнослужащих составили 42 человека, а вместе с гражданскими лицами – до 100 человек. [155] В процессе штурма президентского дворца и в столкновениях в других местах столицы со стороны восставших, кроме указанных выше лиц, погибли: начальник штаба механизированного батальона 4 танковой бригады старший капитан Омар Мухаммад Шариф (в его память позже был назван один из столичных лицеев), лейтенант 15 танковой бригады Гулям Фарук Лаладжан, младший лейтенант-артиллерист Мухаммад Азгар Мухаммад Акбар, лейтенант 4 танковой бригады Сайфуррахман Асадулла, капитан 88 артиллерийской бригады Мухаммад Монир, рядовой 4 танковой бригады Абдурахман Баба Рахим, рядовой 88 артиллерийской бригады Мухаммад Осман Абу Хайр (согласно данным Центрального музея армии, всего в артиллерийской бригаде по-

гибло восемь человек) и др. [156]

Между 27 апреля и 3 мая 1978 года в Кабуле не выходила ни одна газета. Информацию о происходящих в стране событиях население получало только из передач кабульского радио, которое до 29 апреля велось от имени Военно-революционного совета вооруженных сил. В этих передачах раскрывались основные программные лозунги восставших и характер начавшейся революции. В частности, в обращении к соотечественникам, переданном 27 апреля в 22.30, говорилось, что в Афганистане «началась подлинная национально-демократическая революция», положившая конец «господству сардаров-демагогов, превративших священное слово «революция» в игрушку в своей антинародной политике. [157]

На следующий день, 28 апреля, в 7 часов 30 минут утра по радио Кабула было передано заявление Военно-революционного совета следующего содержания:

«1. Официально объявляется об отмене фальшивой конституции М.Дауда и о падении его правительства. С настоящего времени вступают в силу указы и распоряжения Военно-революционного совета вооруженных сил.

Военно-революционный совет полностью контролирует положение. Все части вооруженных сил страны заявили о своей верности Военно-революционному совету и выполняют свой патриотический долг.

Те генералы и министры свергнутого правительства Мухаммада Дауда, которые до сих пор не связались с Военно-революционным советом, должны немедленно явиться в министерство национальной обороны. В противном случае к ним будут применены меры военного времени.

В соответствии с постановлениями военного времени, до принятия последующего решения запрещается организация любых собраний.

Население может с полной уверенностью продолжать свою повседневную жизнь и работу». [158]

Данное заявление нашло широкую поддержку и понимание со стороны граждан Афганистана, в том числе и высших военных и гражданских должностных лиц прежнего режима. В здание министерства национальной обороны, где расположился Военно-революционный совет (ВРС), стали приходить генералы, старшие офицеры и бывшие министры. После регистрации и получения заверений о лояльности новому режиму их отпускали по домам.

Новая власть, озабоченная сохранением спокойствия и безопасности в стране, принимала меры не только к пресечению любых попыток контрреволюционных выступлений, но и к налаживанию нормальной жизни населения столицы и провинций. 28 апреля в 12 часов 22 минуты ВРС обратился ко всем гражданам Кабула, имеющим мясные, бакалейные, фруктово-овощные лавки и хлебобулочные, открыть их двери и начать работу. Одновременно им была гарантирована полная безопасность в их деятельности. ВРС призвал всех жителей столицы начать с 29 апреля нормальную работу предприятий, учреждений, школ, вузов, общественного и частного транспорта и т.д. В обращении к населению Кабула по этому поводу указывалось: «ВРС Афганистана объявляет всем сотрудникам учреждений, учащимся школ, студентам, студенткам, преподавателям, профессорам, техническому персоналу и работникам государственных ведомств, городского транспорта, организаций и предприятий, а также всем сотрудникам сил безопасности страны, что с завтрашнего дня (29 апреля 1978 г.) они должны выйти на работу как обычно, как этого требует их совесть, и в духе патриотизма приступить к исполнению своих обязанностей в соответствии с указаниями и инструкциями, законами и положениями». [159]

Необходимо отметить, что народ буквально по всей стране одобрительно отнесся к свержению режима М.Дауда и с исключительной теплотой и энтузиазмом приветствовал победу апрельского вооруженного восстания в столице. По сообщениям газеты «Анис» от 3 мая, уже в первые дни телеграммы в адрес ВРС о поддержке происшедших в столице перемен поступили от широких кругов общественности из провинций Герат, Пактия, Кандагар, Заболъ, Балх, Баглан, Саманган, Тахар, Бадахшан, Нангархар, Кунар и др. В стране повсеместно установилась полная безопасность и порядок. Нормально функционировал весь хозяйственный механизм государства. Столица с утра 29 апреля начала жить полнокровно жизнью, все дуканы были открыты, население полностью обеспечивалось продуктами питания и другими необходимыми товарами. Уже в течение первой недели после свержения прежнего правительства стали заметно снижаться цены на основные продовольственные товары. Так, на кабульском базаре цена сира (7,06 кг) муки упала с 83 до 60-65 афгани, а мяса (кг) – с 85 до 60 афгани. Причем это происходило без какого-либо вмешательства новых властей. [160] Такая же картина наблюдалась и в провинциях. По сообщениям газеты «Анис» за 4 мая, в провинции Саманган цены за сир пшеницы снизились на 11 афгани, муки – на 10, на мясо (баранину и говядину) – на 10 афгани за кг. О нормализации положения в столице говорил и тот факт, что за первые три дня после восстания комендантский час был сокращен на три часа и с 29 апреля он вводился уже с 23 часов.

Упрочение позиций нового режима дало возможность решить вопрос о введении гражданской формы правления в стране и раскрыть таким образом созданную намеренно «тайну» вокруг лиц (в основном гражданских), составивших Военно-революционный совет вооруженных сил (надо заметить, что в первые дни новые власти вообще избегали говорить о своей принадлежности к НДПА, заменяя ее выражением – «прогрессивные национально-революционные силы» [161]). В 9 часов вечера 29 апреля ВРС принял решение о передаче всех своих полномочий Революционному совету Демократической Республики Афганистан (подчеркнуто мною. – М.С. Так впервые было объявлено название нового государства, хотя официально оно еще не было декларировано). В декрете ВРС по этому поводу говорилось: «7 саура 1357 г. (27 апреля 1978 г.) по воле народа Афганистана произошло революционное восстание патристически настроенных офицеров и солдат страны. Это восстание, знаменующее собой начало национально-демократической революции Афганистана, менее чем за 24 часа свергло деспотический режим Мухаммада Дауда и заложило в стране основы национально-демократического строя. Но для того чтобы революция

7 саура смогла творчески, всесторонне и эффективно выполнять свои огромные национально-демократические задачи, Военно-революционный совет передал всю полноту высшей государственной власти Революционному совету Демократической Республики Афганистан». При этом все члены ВРС из числа военных полностью вошли в РС ДРА. [162]

Революционный совет, в составе которого насчитывалось около 35 человек, в том числе и пять представителей вооруженных сил, на своем первом заседании, состоявшемся во второй половине дня 30 апреля, избрал Н.М.Тараки председателем РС и одновременно главой правительства (премьер-министром), а Б.Кармаля – заместителем председателя РС и заместителем премьер-министра. Революционный совет, ставший высшим органом государственной власти, своим Декретом № 1 от 30 апреля провозгласил страну Демократической Республикой Афганистан. [163]

День спустя было сформировано правительство во главе с Н.М.Тараки в составе 21 министра и заместителей премьер-министра. [164] Три министерских поста получили военные – активные участники апрельского вооруженного восстания (М.А.Ватанджар, А.Кадыр и М.Рафи) и один пост – женщина (А.Ратезад). При формировании правительства была в основном сохранена его прежняя структура, однако качественные характеристики кабинета существенно изменились. Прежде всего в социальном плане он был представлен почти полностью выходцами из мелкобуржуазных слоев города и деревни. Далее, по национальному составу он являлся наиболее представительным из всех правительств, когда-либо до этого существовавших в Афганистане: в нем были пуштуны, таджики, узбеки, хазарейцы, кызылбаш, чараймак. 18 членов кабинета имели высшее образование, двое – среднее (Н.М.Тараки и М.Х.Барек Шафии) и один – начальное (А.К.Мисак). Шестеро из них (Х.Амин, М.Сума, М.М.Хашеми, М.И.Данеш, А.К.Горбанди и А.Ратезад), то есть почти треть кабинета, получили высшее и среднее специальное образование в США, один (А.Кадыр) – в СССР (окончил Киевское высшее военно-авиационное училище); десять министров являлись выпускниками Кабульского университета и двое (М.А.Ватанджар и М.Рафи) – Высшего военного училища в Кабуле (Харби похантун). По фракционной и партийной принадлежности восемь членов правительства относились к Парчам, 12 – Хальк и один (А.Кадыр) – Объединенному фронту коммунистов Афганистана.

С целью укрепления власти на местах были назначены новые губернаторы провинций. Ими в основном стали военные из числа лояльных новому режиму генералов и старших офицеров – членов НДПА (одновременно они являлись в провинциях старшими воинскими начальниками), в частности в провинции Кандагар – генерал-майор Мир Тахмас Рауф, Балх – генерал-лейтенант Хаджи Мухаммад Наваз, Пактия – генерал-майор Гулям Наби, Баглан – генерал-лейтенант Сарджанг, Нангархар – подполковник Гулям Наби Вастали, Герат – подполковник Голь Ака и др. [165]

2 мая РС ДРА, особо отметив свою приверженность принципу незыблемости частной собственности в стране, объявил о национализации движимого и недвижимого имущества и активов членов семей М.Надир-шаха, М.Дауда, М.Наима, Шах Вали, Шах Махмуда и М.Хашима, как «нажитых незаконно, вопреки установлениям священной религии ислам и нормам человеческой морали, за счет ограбления и страданий народа Афганистана». [166]

Первые шаги и декреты новых властей получили повсеместно в стране горячую поддержку. 4 мая на заседании кабинета министров ДРА отмечалось, что правительством получены тысячи поздравлений, телеграмм и посланий от представителей различных классов и слоев населения – рабочих, крестьян, интеллигенции, в которых они выражали согласие и солидарность с действиями РС и правительства страны. В числе тех, кто направил приветственные послания в адрес РС, были также члены Совета улемов Афганистана и настоятели главных кабульских мечетей. Они, в частности, писали: поскольку новое руководство страны в своем первом заявлении назвало основы ислама стержневыми принципами своей внутренней политики, «мы полностью поддерживаем новый режим и осознаем свою ответственность перед ним. Молим Всевышнего, чтобы он ниспослал успех этому режиму». (Далее следовал список 20 богословов, подписавших данное послание). [167]

Демократическая Республика Афганистан с самого начала ее провозглашения 30 апреля 1978 года стала получать широкое международное признание. Первыми ее официально признали СССР, Болгария, Индия, Монголия, Чехословакия, Куба, Польша. Затем 5 мая о ее признании заявили Пакистан, Турция, Народная Демократическая Республика Йемен, Вьетнам, Югославия, Иран, а 6 мая – Германская Демократическая Республика, США, Великобритания, Федеративная Республика Германии, Италия, Южная Корея. К 8 мая ДРА признали все постоянные члены Совета безопасности ООН. ДРА и ее правительство в эти и последующие дни были признаны также со стороны Румынии, Саудовской Аравии, Сирии, Бангладеш, Японии, Канады, Австралии, Непала, Ирака, Египта, КНДР, Эфиопии, Греции, Ливана, Ливии, Швеции, Дании, Бельгии, Норвегии, Нидерландов, Швейцарии, Кувейта, Иордании и др. [168]

Вечером 8 мая Н.М.Тараки выступил по кабульскому радио и обнародовал программный документ из 30 пунктов, названный «Основные направления революционных задач правительства Демократической Республики Афганистан». Заверив еще раз соотечественников в приверженности нового режима демократическим свободам и принципу неприкосновенности личности и семьи, основам религии ислам, национальным обычаям и традициям, он заявил о намерении его правительства подготовить условия для создания в будущем «народного революционного совета» (видимо, имелся в виду выборный парламент. – М.С.) и разработать конституцию ДРА.

В области внутренней политики в числе важнейших задач правительства, которые должны были обеспечить ликвидацию экономической и политической отсталости страны и повышение жизненного уровня народа, намечалось: провести демократическую аграрную реформу в интересах трудового крестьянства и с его активным участием, освоить залежные земли, реконструировать системы орошения и решить проблему пастбищ; ликвидировать отжившие феодальные и дофеодальные отношения; принять меры для развития внутренней и внешней торговли; укрепить госсектор экономики на основе научно обоснованного

планирования и установить строгий контроль над использованием природных ресурсов; защищать национальное предпринимательство от конкуренции иностранных товаров, поощрять и поддерживать частные инвестиции в мелкое и среднее производство; коренным образом пересмотреть структуру государственного бюджета в пользу производственной и социальной сфер, в частности образования и здравоохранения; реформировать налоговую систему путем уменьшения в ней доли косвенных налогов и увеличения прямого прогрессивного налогообложения; установить контроль над ценами и стабилизировать их на необходимом уровне в интересах народа; демократизировать общественную жизнь и гарантировать на деле права и свободы граждан; обеспечить равенство прав женщин с мужчинами во всех сферах общественной, экономической, политической и культурной жизни; принять меры к укреплению вооруженных сил и прежде всего обеспечить право солдат и офицеров на широкое участие в общественно-политической жизни страны; демократическим путем решить национальный вопрос в стране и проблему кочевников; обеспечить всеобщее, обязательное, бесплатное начальное образование для детей, достигших школьного возраста, и создать необходимые условия для ликвидации неграмотности в стране; расширить бесплатное среднее, высшее и профессиональное образование с целью подготовки национальных научных и технических кадров, необходимых для экономического развития страны; ввести бесплатное медицинское обслуживание и покончить с антинациональной коммерческой медициной; провести чистку госаппарата от антидемократических, контрреволюционных элементов и создать здоровые, демократические государственные структуры управления, служащие интересам народа; принять эффективные меры для ликвидации всех видов гнета и насилия, безработицы, взяточничества, бюрократизма, спекуляции, ростовщичества и повести борьбу с распущенностью, картежными играми, употреблением алкогольных напитков, чарса, опиума и других наркотиков; устранить влияние неокониализма и империализма и зависимости от них в различных сферах – экономике, политике, культуре, идеологии. Правительство ДРА в числе задач первоочередной важности особо выделило обеспечение территориальной целостности, национального суверенитета и независимости страны, решительную защиту завоеваний Апрельской революции, создание подлинного единства всех национальных, прогрессивных и патриотических сил. [169]

В области внешней политики ДРА выступила за проведение самостоятельной миролюбивой политики неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета на принципах мирного сосуществования, за сохранение и укрепление мира в регионе и на планете, расширение и углубление разрядки международной напряженности, улучшение отношений добрососедства и сотрудничества со всеми странами региона, развитие и всестороннее расширение дружественных связей с Советским Союзом, в поддержку национально-освободительного движения в Азии, Африке и Латинской Америке. Относительно национальной проблемы зарубежных пуштунов и белуджей было отмечено, что она должна решаться на основе их воли, с учетом исторического прошлого и путем политических переговоров между ДРА и Пакистаном. [170]

Заканчивая свое выступление, Н.М.Тараки призвал все демократические, прогрессивные и национально-патриотические силы к единению под руководством НДПА с тем, «чтобы суметь в возможно кратчайшие сроки довести до окончательной победы национально-демократическую революцию афганского народа и на первом этапе построить демократическое общество, а затем общество процветания и счастья, свободное от оков любого национального и социального гнета, от эксплуатации человека человеком». [171]

Таким образом, вооруженное восстание 7 саура, совершенное армией под руководством НДПА, должно было стать поворотным пунктом в истории развития Афганистана. Афганские революционные демократы в те дни искренне верили, что этим событием и своей победой они открыли для страны путь прогрессивного национально-демократического развития, путь действенной борьбы с вековой отсталостью, за социальный прогресс, счастье и процветание широких народных масс.

Что же представляла из себя НДПА к моменту Апрельской революции? По официальным данным, [172] тогда ее численность составляла около 18 тысяч человек (точнее, 17 800 чел.). Из них примерно 25 % (около 4,5 тыс.) проживали в столице. У партии имелось много сторонников и сочувствующих. По словам Н.М.Тараки, их число превышало 30 тысяч человек. [173] И все же, не принижая ее известную популярность в обществе, прежде всего среди городских жителей, следует сказать, что НДПА накануне прихода к власти представлялась для будущего Афганистана все еще неизвестной величиной. Субъективно она в то время была мало готова к роли общенациональной политической силы как из-за своей немногочисленности, ограниченных социальной базы и сфер влияния, так и ее организационной слабости, связанной с продолжавшейся межкрылевой борьбой и разногласиями в партийном руководстве. Однако стечение исторических обстоятельств буквально «вытолкнуло» ее на передний край борьбы за власть и рок судьбы ввалил на ее слабые плечи величайшую ответственность за будущее страны и народа. [174]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же произошло в Афганистане в апреле 1978 года: переворот или революция? По этому вопросу можно встретить два полярных, взаимоисключающих суждения. Причем даются они не только походя, мимоходом в конспективно выдержанных газетных и журнальных публикациях, но и в солидных трудах по афганской истории. Большинство западных исследователей (Л.Дюпре, А.Арнольд, Г.С.Брэдшер, Н.П. и Р.С.Ньюэлл, Л.Б.Пуллада и др.) [1] по идеологическим (а точнее, идеолого-конфронтационным) соображениям, а с конца 80-х годов и ряд советских (преимущественно олоафганских) авторов [2] вкупе с некоторыми афганскими высокопоставленными деятелями, в том числе бывшим президентом Наджибуллой, называли эти события «переворотом» (по западной терминологии – «марксистским переворотом»), [3] вкладывая в него широкое понимание данного термина. Все они, как правило, не приводили каких-либо